Часть 1

— …

— …

— …

— …

(…Наверное, стоит обрисовать, что вообще происходит.)

Напряжение в атмосфере за последние несколько минут выросло настолько, что я буквально мог ощущать металлический привкус на языке.

…Кровавый… привкус.

Даже несмотря на то, что причин для его возникновения как таковых не было.

Секунды тянулись часами, и даже изначально воодушевлённая и настроенная на весёлый разговор мама опешила и затихла.

Но, то ли из-за интереса, то ли из-за переживаний, она осталась. Просто… чтобы принять меры, на случай если произойдёт что-то из ряда вон выходящее.

— Я пойду сделаю чай.

Ну… или не осталась…

Впрочем, это сейчас не столь важно.

Важно то, кому сейчас лучше начать разговор.

И стоит ли его в принципе начинать.

Хотя…

…Не думаю, что в такой ситуации можно просто молча разойтись.

От нехватки воздуха хотелось тяжело вздохнуть, но любое неосторожное движение могло привести к непоправимому. А потому… приходилось подавлять любые позывы к чему-либо вообще.

Тяжело…

Очень тяжело…

Но я держусь.

(Жаль только, что просто «держаться» недостаточно, чтобы выпутаться из этой ситуации…)

Сомневаюсь, что кто-то кроме меня вообще осознаёт реальный масштаб проблемы.

В конце концов… это моё бездействие привело к подобному результату.

Но всё-таки… я рассчитывал, что Семпай слегка… повременит с визитом.

Да, сейчас это кажется глупым.

Очевидно, она должна была выбить из меня дурь в тот же день, когда я впервые объявился в школе вместе с Котори.

(В конце концов… вся школа была уверена, что мы встречаемся…)

И сама она… наверняка… тоже в это верила…

— …

Чем больше я над этим задумываюсь, тем сильнее осознаю, в какой заднице оказался.

Надежда на то, что я успею заставить Котори разочароваться во мне и уйти быстрее, чем Семпай соберётся прояснить ситуацию, оказалась всего лишь несбыточной мечтой.

Да даже не «быстрее», а «вообще».

Ведь Котори прямо здесь. Сидит рядом и держит меня за руку.

Наши отношения лучше, чем когда-либо были.

Она спокойна. В конце концов, Семпай для неё всего лишь «подруга младшей сестры её парня». То есть, по сути, никто.

Она ничего не знает.

Пока не знает.

Впрочем, и её спокойствие нельзя назвать абсолютным.

Ведь способность читать атмосферу никуда не делась.

И, если совместить с чтением *меня*… это вопрос нескольких минут, когда она всё осознает.

Если уже не осознала.

И если да, то та речь про «всегда буду на твоей стороне», не была ложью.

Усилившаяся хватка на моей руке казалась странно успокаивающей.

Несмотря на все недомолвки и постоянно сохраняющуюся между нами напряжённость…

Котори, казалось, была единственным моим союзником в сложившихся обстоятельствах.

Ведь из всех собравшихся в этой комнате… Только Её я ещё не успел каким-либо образом предать.

Даже самого себя успел.

А её нет. Пока нет.

(Союзником…)

— …

Будто это я здесь потерпевший…

Семпай явно была… не в лучшем состоянии.

Да, она сохраняла неловкую улыбку. Да, она в целом изо всех сил пыталась казаться бодрой и весёлой.

Это в её характере.

Но я знаю, как выглядят люди, умирающие от бессонницы и утопающие ночами в слезах.

Я часто видел такого в зеркале по утрам.

Подобное состояние нельзя закрасить парочкой слоёв косметики.

Пусть благодаря ей она действительно выглядит лучше, чем я когда-либо буду, но…

Она плакала. Много плакала.

И мало спала. Если вообще спала.

Мешки под глазами я могу заметить даже сквозь десять тонн пудры.

(Хотя, может там и не пудра…)

В любом случае…

Семпай не настолько плевать на свой внешний вид, чтобы приходить в таком состоянии куда-либо.

И непохоже, чтобы морально она оправилась.

А раз она замаскировала все проблемы, значит её целью не являлось давление на чью-либо жалость.

Впрочем, это и не в её стиле.

Хотя… нет, нет.

Хотя… даже сейчас я испытывал слабое желание всё бросить и побежать её успокаивать.

В конце концов… она такая из-за меня.

И, несмотря на то, что в ключевой момент она спасла меня от окончательного падения… я, в свою очередь, в момент уже её наибольшей нужды… развлекался с той, от которой она меня спасала.

Вот оно… родное ощущение тошноты от собственной мерзотности…

И даже сейчас я сижу, держась за руки с Котори.

(Просто… иди к ней… хватит сидеть тут с этим блядским покерфейсом… Чёрт!)

Рациональное ничтожество.

Ни капли рациональности. Одни эмоции.

Тем не менее, я не двигался.

Просто… ждал

Просто… продолжал быть ничтожеством.

Если я двинусь, то ничего не случится.

Если я прямо сейчас во всём сознаюсь…

Просто… скажу Котори, что…

Скажу, что…

Она поймёт…

Она сказала, что… даже если предам её… она поймёт…

Рациональности не существует.

Дело не в том, что кто-то умрёт, если ты решишься.

Ты просто боишься предать ещё одного человека, доверившегося тебе.

Предать в тот же самый день, когда он дал тебе такое право.

— …

Я даже не знал, что хотел сказать.

В голове лишь крутилась дурацкая заезженная подстилка. Странное видение о том, как можно выпутаться из всего этого, не причиняя кому-либо боль.

…Ну, или получив хотя бы минимальное подобие искупления.

С криком «это ты во всём виноват!» каждая из них делает по одному удару ножом по мне, и, будучи израсходовав все свои «жизни», я умираю окончательно. Вся их ненависть сосредоточена на мне, и…

(Лучшая концовка из возможных.)

Ладно, этого никогда не произойдёт.

Да и не время сейчас мечтать.

Слова вылетали из головы в ту же секунду, как попадали.

Ком, подступивший к горлу, казалось, пытался порезать его изнутри.

Котори покорно молчала и ожидала моих действий.

Она верит в меня больше жизни.

Верит, что я буду на её стороне. Несмотря ни на что.

А потому она спокойна.

Но… я…

(……)

…Я просто дождусь, пока диалог не начнёт кто-то другой.

В конце концов, меня позвали лишь наблюдателем.

А потому…

…Я не буду ничего делать.

Хотелось вдарить себе по лицу.

От гнева на самого себя уже даже дёрнулась рука.

Мой взгляд невольно падает на карманные часы.

— …!

(Ха… прошло не больше минуты…)

С каждой секундой всеобщего молчания атмосфера накалялась в геометрической прогрессии.

Если срочно не сделать что-то для разрядки, все здесь рано или поздно умрут от удушья.

И, похоже, эту роль возьмёт на себя Семпай.

В конце концов, она гораздо сильнее меня.

И речь сейчас не про физику.

Огромным усилием воли она заставляет себя оторвать дрожащий взгляд от Котори.

Заставляет себя… улыбаться.

В отличие от последней, в отличие от меня… обхватить она могла только свою собственную руку.

— Итак… я пришла, потому что Шиори переживала за тебя, но… – её голос звучал куда слабее обычного. Чудо, что ей удалось унять дрожь.

(Шиори…?)

Я посмотрел на младшую сестру. Опустив взгляд, она не решалась посмотреть в ответ, а волосы свисали так, что выражения лица было не разглядеть.

(Так вот оно что…)

Ей стыдно за то, что вообще прибегла к помощи Семпай, а не справилась сама, но что удивительного, когда я сам до этого отказался с ней разговаривать?

Я больше удивлён тому, что ей в принципе не плевать.

Не думал, что наши отношения вернулись на тот уровень, когда она будет пытаться снова меня чинить.

Сам виноват.

(Но, теперь всё стало ясно…)

Раз они с Семпай, оказывается, друзья, то… позвав её сюда, она хотела помочь нам обоим.

…Что означает, что Котори останется в аутсайдерах в случае успеха.

Допустит ли этого Отонаси? Хороший вопрос.

Где-то на горизонте снова замаячили осенние листья.

(Смотри на подсолнухи… смотри на подсолнухи…)

— …

(Кх…)

…Нужно сделать так, чтобы никто не умер.

Эмоции от неудачного воссоединения с моей без пяти минут девушкой, которая ещё и встретилась с… моей девушкой, отошли на второй план.

…Не отошли.

— …

(Я не могу позволить чувствам руководить мной… не сейчас…)

Жаль только, что я не могу избавиться от них, просто сказав волшебное слово… чёрт…

Как же мне сейчас не хватает свежего воздуха…

(Если я начну говорить, мой голос точно меня выдаст…)

Но если всё время как дебил молчать, то ситуацию это явно не улучшит…

— …Но, похоже, что зря. У тебя всё прекрасно. Не правда ли, Кохай-кун?

— …

(И что мне ей ответить…?)

Извиниться? При Котори? Самоубийство. Да и не нужны Семпай мои извинения.

Подтвердить? Раз уж я всё равно гнилой кусок дерьма, почему бы не пасть окончательно? Не выйдет. Я выдам своё реальное состояние сразу, как только попытаюсь вести себя как обычно. Никто не поверит.

Молча виновато глядеть вдаль? Это вообще ничего не решит.

Но мне нечего было ей сказать в любом случае. Всё ведь и без слов ясно.

Ни черта не ясно. Поэтому-то она и пришла.

Выдержав очередной нож в спину, именуемый моим молчанием, вздрогнув и зажмурившись, дабы не позволить слезам выйти наружу, Семпай вновь перевела взгляд на Котори.

Та, в свою очередь, окончательно потеряв интерес, не обращала на неё никакого внимания, полностью сосредоточившись на отслеживании моего эмоционального состояния.

…Ну, судя по её обеспокоенному виду, она явно переживала… но только о том, всё ли в порядке со мной. И никакого желания устраивать скандалы или войны. Потому что в первую очередь это будет бить по мне.

А после последнего нашего разговора по душам, ничто и никогда отныне не сможет пошатнуть её уверенность в моём целомудрии.

Не сдержись я тогда, подозрений с её стороны было бы в разы больше…

…Наверное, единственный в истории человечества осознанный отказ от секса, после которого не останется сожалений.

(Хм… а у меня появилась идея…)

Крайне рискованная, но всё же идея.

(Только нужно удачно это разыграть…)

Сейчас момент явно не подходящий.

Так или иначе, подобное отношение со стороны Котори довольно явно влияло на решимость Семпай.

Её склонность к собственничеству и излишней ревнивости была уязвлена.

Полностью растоптана. Вместе с гордостью.

Если она сейчас начнёт выяснять отношения, то совершенно невозмутимая Котори от этого будет только в выигрыше. Привлекательность Семпай будет падать, а Котори – расти. И без того находящаяся в невыгодном положении Семпай ни за что не допустит падения в моих глазах ещё сильнее, а потому… её решимость потихоньку сбавляет обороты.

(Ты никогда не упадешь в моих глазах от такой мелочи…)

Падать тут в чьих-либо глазах должен только я.

Абстрагируйся от эмпатии, пока не стало слишком поздно.

(Заткнись.)

По крайней мере, теперь она будет действовать куда тоньше и аккуратнее.

Пусть суждения основаны исключительно на моих догадках, всё же, мне думается, они довольно точны. В конце концов, за то время, что мы провели вместе, я успел достаточно хорошо её изучить.

(И почему я вообще пытаюсь анализировать подобные вещи…)

С каждой секундой, проведённой в этой комнате, меня тошнит от себя всё больше и больше…

— А раз у тебя всё прекрасно, ты больше не будешь избегать клубной деятельности.

Хочет поговорить наедине.

(Но это клуб со свободным посещением…)

Всё-таки… лучше будет всё прояснить…

— Ну, наверное…

— Я буду тебя ждать!

На этот раз вздрогнула уже Котори.

Заметив её реакцию, Семпай сжала кулаки.

— Ох, где же мои манеры… Говорю с Кохай-куном, игнорируя остальных.

— … – Котори не ответила.

— Я – Тидзуру Накамура, класс 3-А. Глава клуба настольных игр. – натянуто улыбнувшись, она разжимает кулак и протягивает ладонь для рукопожатия. — А ты, полагаю, девушка Кохай-куна?

— Эм… Да. Котори Отонаси, класс… 1-В. – стоит Котори протянуть руку в ответ, как её лицо тут же немного сморщивается.

Знаменитая хватка семьи Накамура, да…?

— Приятно познакомиться!

— А… мне тоже.

— Надеюсь, мы поладим.

— …Угу… – преодолевая боль в руке, Котори заставила себя улыбнуться в ответ.

(…Ну… по крайней мере… пока что всё вроде… не так плохо…)

Как же ты хорош в самообмане, когда надо.

В ответ на это я мог лишь беззвучно вздыхать.

Часть 2

Рукопожатие длилось всего несколько мгновений, но даже они, казалось, тонули в вечности.

Когда Котори вернула руку обратно, краем глаза я заметил на ней весьма отчётливую красную отметину.

Однако, стоило ей снова вложить повреждённую руку в мою, как краснота тут же начала бледнеть и возвращаться в исходное состояние.

Спустя несколько секунд на ладони уже не было никаких следов недавней «борьбы».

(Это просто моё воображение…)

С другой стороны, рука Семпай осталась без изменений.

Либо силы хватки Котори недостаточно для подобного результата, либо она попросту не пыталась. Мне хотелось склоняться ко второму варианту, но…

(Они точно поубивают друга друга…)

С присущей ей дежурной улыбкой, Семпай возвращается на своё место…

(Так, стоп…)

Вместо этого она садится по правую сторону от меня. С таким видом, будто это абсолютно естественно.

Она села даже ближе, чем Котори, так что наши плечи *невольно* соприкоснулись.

Как и ладони. Хватило бы совсем небольшого движения навстречу, чтобы окончательно

соединить их.

Дабы не усугублять ситуацию ещё сильнее, я перекладываю собственную себе на колени.

Реакция Семпай последовала незамедлительно.

— Что-то не так, Кохай-кун? – спрашивает она, после чего переводит взгляд на Котори, затем обратно на меня.

Очевидно, это было сделано специально.

— …М? Нет, ничего.

(Просто… сохранять самообладание…)

Свободной рукой я начал потирать лоб, закрыл глаза и сосредоточился на ощущениях.

Котори, до этого сохранявшая можно сказать даже беспечное спокойствие, после последнего жеста Семпай заметно напряглась.

Да не слишком-то и заметно.

Вместо обычного переплетения ладоней она обхватила руку целиком, прижалась к ней как к подушке-обнимашке и положила голову мне на плечо.

(Если это превратится в соревнование по перетягиванию каната, то… проще будет сразу под поезд прыгнуть…)

Иначе говоря, я это не переживу в любом случае.

Переживёшь. Это будет игра в одни ворота в пользу Накамуры.

…И то верно.

(Хм?)

Не похоже, чтобы Котори или Семпай сдвинулись с места.

Разговор снова зашёл в тупик, и они обе сидели, не зная, что сказать.

Очевидно, они обе хотят переговорить со мной наедине, и не потерпят присутствие кого-либо ещё.

Следовательно… они уравновешивают друг друга.

Шаткий баланс, держащийся исключительно на неопределённости и недопониманиях.

Если хоть кто-то сейчас начнёт говорить, то это потом может быть, а точнее, точно будет использовано против него.

Меня тоже касается.

Но и уходить кому-либо из нас троих, оставляя оставшихся наедине…

Если уйду я, то… кто-то из них может умереть…

Котори даже не рассматривает вариант уйти самой. Не думаю, что ей вообще способно прийти в голову нечто настолько немыслимое.

А Семпай…

Над моей головой только что загорелась несуществующая лампочка.

(Она не уйдёт, пока не убедится, что Котори тоже ушла…)

Чёёёёёёёёрт!

(Если она узнает, что Отонаси живёт в моём доме…)

Конечно, есть вероятность, что она уже знает…

Учитывая, в какой одежде она сейчас…

(Я просто… не знаю…)

Не могу ясно мыслить в таком положении.

А если попытаюсь… мозг автоматически подберёт наиболее приятные и выгодные варианты, избегая критического мышления как огня.

В туалет. Тебе срочно нужно в туалет. Иди в туалет.

В ту-а-лет.

(Я уже объяснял, почему это не вариант…!)

В общем, раз говорить никто не собирается, то…

Им остаётся, что… молча наслаждаться кратким моментом близости с любимым человеком?

Пусть он и отравлен присутствием третьей стороны.

Без понятия, сколько прошло времени, но их действительно устраивает… просто… сидеть… рядом со мной.

Пока что этого достаточно.

Пока что…

(Я придумаю что-нибудь…)

Но это будет позже.

Позже…

Глубокий вдох, за которым последовал длительный зевок.

(Ах да…)

После этого свидания, кажется, мой инстинктивный страх перед Котори может и не улетучился полностью, но явно перешёл в «комфортную» стадию.

Впрочем, если покопаться в памяти достаточно далеко, ещё до осени двенадцатого, то отличий в мироощущениях особых то и нет.

Паранойя была при мне сколько себя помню, а предполагать самые худшие варианты наиболее вероятными из возможных давно стало неотъемлемой частью личности.

Так что, если забыть о значительном снижении физических параметров после больницы… я,

можно сказать, вернулся к состоянию до… всего этого.

Максимум, что может произойти, так это очередной приступ психосоматического взрыва мозгов и последующей за ней тошнотой, но сам факт того, что теперь это всего лишь кратковременные вспышки, а не постоянное состояние, свидетельствуют о улучшении.

Ну а вспышки похоти…

(Просто половое созревание. Нечего тут обсуждать.)

Я? А я ничего. Я тебе даже помогу вспомнить. Холод.

Как будто о нём возможно забыть, чёрт возьми…

(Ни за что не поверю, что эта дрянь может быть физической.)

Но да. Он никуда не денется, видимо, уже никогда…

Но к нему я уже привык, а в остальном всё вполне в норме.

А раз я теперь обычный и присутствие Котори меня не выворачивает, то и бессонница тоже исчезла.

И стоило напряжению вернуться в относительную норму, как меня тут же начало вырубать.

Но Котори должно быть попроще – она банально дольше спала вчера.

А вот я… ох…

(Мне нельзя… засыпать… сейчас…)

Не в подобной ситуации…

Я снова начал продирать глаза, как ощутил нечто странное.

Как минимум, вечно ёрзающее тело по правую сторону внезапно остановилось.

Успокоилось? Или просто шокировано происходящим?

Без понятия.

Давление на ногах.

(…Кто-то сел мне на коленки?)

Почему-то от этого ощущения веяло ностальгией.

— Кхм…

(Э…?)

Стартовый набор везучего ублюдка активирован.

(Стоп… чё…?)

Не время спать!

Открыв глаза, я вижу перед собой нечто… чего я никогда не ожидал увидеть.

В том смысле, что я никогда не верил, что смогу восстановить доверие между нами до подобных высот.

Это казалось недостижимым.

— Эм… Шиори…?

— …Угу… – еле слышно буркнула она себе под нос.

(Её кто-то надоумил, пока я не видел?)

Потому что подобное действие явно стоило ей огромных усилий. В первую очередь волевых.

Но если… лишь если… она сделала это по своей воле…

Лёд треснул.

На мгновение я забываю обо всём.

Ни свист вскипятившегося чайника, ни подошедшая вскоре мама не смогли выбить меня из этого состояния.

— А вот и я… А-акута… улыбнулся. – пытаясь развеять иллюзию, она удивлённо хлопала глазами.

— Э?!

— Где?!

Семпай с Шиори тут же вскочили и начали пристально разглядывать моё лицо.

— Ой… показалось.

— У-у-у… – они в унисон разочарованно вздохнули и вернулись на свои места.

(Да… Шиори снова уселась ко мне на коленки… мы все ещё семья…)

Не знаю, почему меня это так радует. Наверное, потому что я идиот.

Вы оба – идиоты, комплексующие по друг-другу.

(И это прекрасно.)

Даже не отрицает…

(Чёрта с два я буду это отрицать.)

— Ой, а что это у нас тут происходит~ – позабыв о чае, мама хитро улыбалась, глядя на развернувшуюся перед ней сцену.

— … – я не видел её лица, но, поскольку уши Шиори загорелись красным, выводы сделать было нетрудно.

(После такого я вполне не против умереть.)

— Хм-хм-хм… где же у нас лежал фотоаппарат…? – видимо, желание запечатлеть настолько уникальное зрелище открыло в маме второе дыхание. Иначе объяснить подобную скорость поиска было нельзя.

— Мама… не надо…

— Так-так-так… ага! Нашла!

Прошло меньше пяти секунд.

— Мама…!

— Подождите… а для меня места не найдётся…?

— Нет! – выпалила Шиори куда громче, чем обычно, чем удивила сама себя.

— У-у-у… Шиори присвоила Акуту себе… жадина.

— … – не зная куда себя девать, она в панике и смущении опустила голову.

— Да шучу я! А теперь… на раз два три… скажите… что-нибудь, что говорят в таких ситуациях в общем. – схватившись за фотоаппарат, мама навелась прямо на нас.

Три.

Спохватившись о том, что в текущем положении она закроет собой меня, Шиори быстро поменяла позу, перевесив ноги влево, а сама наклонилась в противоположном направлении. А чтобы удержать равновесие, схватилась и повисла на моей шее.

Два.

Забытая всеми и до этого не находящая удачного момента вклиниться в разговор Семпай решила воспользоваться моментом и в последний момент двигается вплотную ко мне и силой хватается за мою руку.

Один.

Котори…

— …М-м-м… Семпай…

(Похоже, уснула…)

Наверное, к лучшему.

(Интересно, проснётся ли от фото?)

Сейчас узнаем.

Щелчок.

Вспышка.

Раньше она наверняка могла бы у меня ассоциироваться со многими вещами.

Но сейчас… в голову не шло ничего, кроме разве что…

Момента, символизирующего поход ко дну?

Часть 3

— Прекрасно… Прекрасно… вы такие милашки… ой-ой-ой.

Судя по выражению её лица, мама сейчас сляжет от передозировки милоты.

— Мама… отдай…

— Что? Ни за что. Сперва сделаю копию. Двести копий.

— У-у-у… – сперва Шиори бегала за мамой вокруг стола, пытаясь отобрать фотоаппарат, но в конечном итоге сдалась.

(Хотя я и использовал слово «бегала», это было больше похоже на замедленную съёмку, так что, очевидно, никто не был особо серьёзен в своих намерениях.)

— Однако, не ожидала, что наша Шиори может быть настолько активной. Неужели так сильно ревнуешь Акуту к Котори-тян?

— И ничего я… не ревную.

— Хм-м-м-м-м…

— И вообще… я всегда активная. – она надулась.

— Да-да, ты наша любимая гиперактивная булочка~

— … – она нахмурилась.

— …Которая совсем не не хочет отдавать своего драгоценного братика кому-либо ещё~

— Я же… сказала, что дело не в этом…

— Ой, Котори-тян заснула… Шиори, подожди немного. – слегка обеспокоенная, мама покинула кухню, снова оставив нас наедине. Впрочем, и Котори сейчас нельзя назвать участником разговора.

Хотя, всегда есть шанс, что она просто притворяется. Ну, по крайней мере, она может проснуться в тот момент, когда я скажу что-то не то.

(Лучше молчать.)

Шиори, будучи на иголках из-за то ли маминого поведения, то ли действительно из-за ревности (второй вариант маловероятен), сейчас хоть немного, но расслабилась.

Уже не так дёргаясь при каждом движении, она снова уселась ко мне на коленки. Словно это место всегда было зарезервировано для неё.

В такие моменты хочется потрепать её по голове, но… сейчас мои руки слегка заняты.

— Братик… – обращается она ко мне не поворачиваясь.

— Что такое? – мой голос сам себе становится мягче.

— …Нет… ничего. – вместо ответа она лишь поудобнее устраивается.

Было ли изменение моего тона в последней фразе ответом на её вопрос? Планировался ли вопрос вообще?

Не знаю.

В любом случае…

Я…

По крайней мере, я рад осознавать, что даже после того, как я начал косить под папашу, отношение Шиори ко мне не ухудшилось.

Большего мне и не надо.

Пододвинувшись ещё ближе, она опирается спиной на мою грудь. После чего уже я кладу подбородок на её голову.

Абсолютная взаимовыручка.

Даже тишина перестала казаться неловкой.

На секунду закрыв глаза, я позволяю себе задремать.

Поначалу было лишь тихое сопение, трение шелковистых волос о щёку, запах собственного шампуня, щекочущего ноздри, и приятная мягкость, обволакивающая левую часть тела.

Знакомое давление по центру, по сути, являющееся единственной причиной моего относительного спокойствия, даже несмотря на ситуацию.

Если буду переживать – заставлю переживать её. Такого допускать нельзя.

Исключительно физиологическая особенность.

Работающая исключительно хреново, учитывая, насколько часто ты заставляешь её за тебя переживать.

И справа…

Сначала был лишь небольшой дискомфорт.

Не уверен, был ли мой стресс источником этого, или же её, но моя правая рука, вероломно захваченная Семпай под шумок, пока домашние были отвлечены фотоаппаратом, была целиком и полностью покрыта потом.

Что-то мне подсказывало, что источником была всё же она.

Был ли это всего лишь жест отчаяния, вызванный нуждой выплеснуть накопившиеся чувства, или же холодный расчёт с целью пробить Котори на ревность… в любом случае она могла оправдаться тем, что хотела полностью попасть в кадр или чтобы соответствовать общей атмосфере «близости» на фотографии.

Но, раз Котори заснула…

Плюх

С легоньким шлепком её голова упала на единственное свободное правое плечо.

И даже после такого она все ещё может оправдаться тем, что заснула и упала «случайно». Это вполне в её стиле.

Но она даже не спала. Дыхание неровное. Слишком прерывистое.

Не ощутив никакого протеста с моей стороны, она начала принимать зеркальное по отношению к Котори положение, обняв чуть ли не всем телом мою правую руку.

Идеально. Теперь ты можешь вживую сравнить их сиськи.

От такой внезапной вульгарщины я чуть не вскочил.

В каком месте она внезапная?

Да во всех!

(До похоти я успею скатиться… в аду.)

А сейчас интересно другое.

Холода… не было.

После импульсивных действий Семпай открытых участков тела практически не осталось.

Я словно был окутан одеялом из концентрированной мягкости и тепла, восстанавливающей душу быстрее, чем дыра успевала забирать.

Раньше тоже случалось нечто подобное, но… оно всего лишь ослабляло аномалию.

Сейчас же, казалось, она была полностью уничтожена.

Не сомневаюсь, она вернётся в сию же секунду, как я покину этот «девичий барьер», но…

(Условием для лечения этой дряни является наличие близости сразу с несколькими…?)

Мои глаза непроизвольно открываются.

Твоё существование – одна сплошная ирония.

(Ещё скажи, что все твои дебильные советы на самом деле всегда исходили лишь из желания вылечить эту дрянь…)

Я всегда желал нам только добра…

(Да иди к чёрту…)

Цундере.

Часть 4

Стоило мне снова сомкнуть глаза, как со стороны коридора послышались шаги.

Улыбающаяся от уха до уха мама укрыла спящую Котори пледом.

— Стоит ли сходить за ещё одним? – с озадаченным выражением лица она посмотрела на притворяющуюся спящей Семпай.

— Кажется, мы немного утомили Накамуру-тян…

— Мама… ты слишком сильно балуешь Отонаси-сан…

— Не волнуйся, Шиори, для мамочки вы с Акутой всегда будете на первом месте~

— … – я не видел её лица, но, думается, взгляд она после такого отвела.

— Да и самого Акуту она же не отбирает. Он слишком сильно тебя любит, чтобы просто так бросить. Верь в него, хорошо?

— Я верю… – голос Шиори звучал уже куда бодрее.

— Вот и хорошо.

— …

— …Не хорошо?

— Не понимаю… когда ты успела так сильно с ней сблизиться?

(Мне тоже интересно…)

— Тебе так сильно не нравится Котори-тян?

— Я просто…

— Разве она не готовит тебе бэнто в школу?

На такое Шиори не нашлась, что ответить.

— Я понимаю, ты хочешь защитить брата от плохих девушек, но разве это относится к Котори-тян?

— …

Она попросту не в состоянии спорить с мамой.

— А если дело всё-таки в ревности… то тогда я попрошу тебя немного подумать о чувствах самого Акуты. Думаешь, ему станет легче, если ты заставишь его выбирать между собой и кем-то ещё?

— Дело… не в ревности… – однако, вздохнув, она всё-таки склоняет голову и капитулирует окончательно.

— Славненько. Вы ведь вполне можете подружиться. Хотя, сейчас, правда, ей слегка не до этого… – мама переводит взгляд сперва на меня, а после на Котори.

Похоже, её речь теперь обращена в первую очередь ко мне, нежели к Шиори.

— Совсем вымоталась, бедняжка…

Нескрываемая нежность в голосе наводила на определённые мысли.

— Она ведь толком не спала в последнее время. Переживала, расспрашивала о тебе всё. Что любишь, что не любишь, как ведёшь себя в различных ситуациях, как ей себя вести, чтобы угодить тебе…

— Вечно твердила, что должна стараться больше, чтобы стать тебе хорошей девушкой и женой. – улыбка на её лице внезапно стала немного неловкой. Лишь на секунду.

— И сказала, что боится.

(Боится?)

— Боится, что ты мог её разлюбить.

— …

В какой-то степени, её страхи беспочвенны. Ведь чтобы чувства исчезли, нужно обладать ими изначально.

— Правда сразу после этого она отбросила эти глупые мысли. – мама задумалась, то ли подыскивая подходящие слова, то ли пыталась вспомнить точную фразу.

— «Даже если разлюбит, я просто завоюю его снова.» Или что-то вроде того. Будь у меня хоть капля её упорства… тогда, возможно, ваш отец бы не…

Неожиданно даже для самой себя она осеклась. Однако, как и положено, быстро взяла себя в руки и вернулась в своё обычное состояние.

— В любом случае… у вас ведь всё наладилось?

— Ну… да? Наверное?

(Наладилось вопреки всему…)

— Значит, её старания не прошли даром…

— Ага…

— А ты сам, Акута… что о ней думаешь?

— Я?

Шиори с Семпай замерли.

На лбу проступил пот.

Приятное тепло, защищающее от чёрной дыры, превратилось в жгучий жар.

Тошнота вперемешку с изжогой.

Грамотные лживые мысли, которые спасли бы меня, внезапно исчезли, а в горле пересохло.

Хочешь жить – увиливай от вопроса. — одна единственная пластинка бесконечно крутилась в голове, вызывая головокружение.

Я…

Я бы не смог ответить честно, даже будь мы наедине.

Даже самому себе я ответить не в состоянии.

Не усложняй. Это не тот тип вопросов, где нет неправильных ответов.

— Я…

Просто скажи то, что должен.

(А разве я просто не оттягиваю неизбежное таким образом?)

То, что должен.

— Я… не знаю.

— … – мама похлопала глазами, но ничего не сказала. Заметив мою задумчивость, она принялась терпеливо ждать.

Я просто хочу поддерживать Котори в стабильном состоянии чтобы не допустить повторения осени двенадцатого года, не жертвуя при этом правом на личную жизнь и не притворяясь её парнем до конца своих дней?

Впрочем, ладно.

Просто скажу как есть.

— Котори… просто… слишком хороша для меня.

— …

— Я не чувствую, что достоин такой как она.

— …

— Она достойна лучшего. Куда большего.

Неожиданно, но напряжение со стороны Семпай заметно ослабло.

И, думаю, на Котори тоже подобный ответ не повлиял бы прямо совсем катастрофически, если бы она не спала.

Надо же. Выкрутился. И даже врать не пришлось. Если, конечно, недоговаривать не считать врать.

Но кое-кому ответ всё же пришёлся не слишком по душе.

— И почему же ты так решил? – выражение лица матери не изменилось, но тон голоса слегка изменился. Более возмущённый.

Ей никогда не нравилось, что я себя принижаю.

— Ну… даже если бы захотел, я не в состоянии настолько самоотверженно беречь отношения. Я не слишком тактичен, не особо понимаю, что чувствуют другие и, сам того не осознавая,

могу их ранить. Как раз поэтому наши отношения до этого момента и трещали по швам. Я чересчур зациклен на себе и далёк от эмпатии.

А также скрытный, манипулятивный, эксцентричный, эгоистичный, завистливый, горделивый, злопамятный, бесчувственный, высокомерный, жестокий, жалостливый, занудный, ворчливый, упрямый, грубый… хм, возможно, стоит подбирать не только прилагательные?

(Я уже понял, что этот список бесконечный…)

К глазам подступила влага.

— …А потому Котори, которая нуждается в этой самой эмпатии больше всего, скорее всего, рано или поздно, разочаруется во мне.

Вздохнув, мама подходит ближе, и, наклонившись, треплет меня по голове.

— То, что ты так много об этом думаешь, уже показатель того, как сильно ты заботишься об остальных. И Котори знает об этом лучше всего. Она, знаешь ли, крайне недоверчиво относится к мальчикам. И уж точно не влюбилась бы в одного из них, не изучив перед этим его характер вдоль и поперёк.

Тебя только что обозвали ОЯШем.

(Меня ещё никогда так не унижали…)

Она вообще моя мама, или уже мама Котори? Что такого должно произойти, чтобы Котори рассказывала подобные подробности… кому-либо вообще? Эти двое настолько притёрлись друг к другу, что сейчас кажется абсурдным сам факт того, что когда-то одна из них расчленяла другую. Причём в этой самой комнате, если что.

Все ещё допускаешь возможность того, что она сделала это из-за чего-то другого, нежели простого желания избавить тебя от тех, с кем ты умудрился поссориться?

Жертвоприношение. Во Твоё имя.

— …А…

«Если она так хорошо меня изучила, зачем расспрашивать маму?» – хотел было спросить я, но быстро понял, что это будет простой придиркой к словам.

Тогда… я не знаю, что на это ответить?

— Вы обе слишком высокого мнения обо мне…

— М! – меня тянут за щеку.

Больно…

— Опять принижаешь себя…

— … – Меня тянут за вторую щёку.

Совсем не больно.

— Братик себя принижает… – судя по робости оттягивания второй щеки, если бы не мама, Шиори бы ни за что не решилась сделать нечто подобное.

— Я понял, понял… только отпустите.

В любом случае… кажется, получилось. Все благополучно забыли об изначальной сути вопроса, и больше эта тема не поднималась.

Мне сильно повезло, что Котори в это время спала, иначе вряд ли бы я отделался так легко.

А Семпай… кажется, её даже обрадовал мой ответ?

(На этом чёртовом минном поле слишком сложно не подорваться…)

Пока есть возможность и удачный момент не истёк, нужно… ретироваться.

— И вообще, вы слишком шумите.

— Хм? – мама хитро улыбается.

— Я отнесу Котори в постель.

Она удовлетворённо кивает.

(Похоже, теперь мама не успокоится, пока не сведёт нас вместе окончательно…)

Котори завербовала её всего парочкой невинных фраз…

Когда ей надо, обаяние Отонаси начинает работать на совершенно чудовищном уровне.

Она сломала ТЕБЯ всего за неделю.

По остаточному принципу, самой стойкой среди нас будет Шиори.

Хотя, она тоже сдалась под влиянием мамы, так что отрыв не особо большой.

Поняв, что я собираюсь подняться с дивана, она, пусть неохотно, но всё же покидает насиженное уютное местечко, и поддерживает голову Семпай, которая до этого использовала в качестве опоры моё правое плечо.

(Может, и сдалась, но… Семпай она явно предавать в пользу Котори не станет. В отличие от меня…)

Возможно, мне не стоит показывать Семпай подобную сцену, но даже это лучше, чем оставаться в подобном положении и дальше, рискуя подорваться на очередной мине.

А потому, правильным решением будет… снова воспользоваться терпением Семпай.

Наклонившись, я поднимаю Котори на руки и крайне осторожно, стараясь не потревожить её покой, несу наверх.

— Не беспокойтесь, остаток дня мы вас не потревожим. – сказала мама мне в след.

И… ничего не случилось.

Ставка сыграла.

Я обошёлся всего лишь метафизической болью в груди, вызванной чувством вины.

Часть 5

С каждым новым шагом ступеньки поскрипывали под моим весом.

Вес Котори на моих руках казался лишь погрешностью. Настолько она лёгкая.

Дыхание максимально спокойное и стабильное. Как и пульс.

Она действительно спала всё это время. Никакого притворства.

На поворотах приходилось слегка поднимать её голову, чтобы случайно не ударилась о стену.

Иногда ноги зацеплялись за пространство между перилами. Приходилось медленно и аккуратно вытаскивать их оттуда, дабы ненароком не потревожить её сон.

Плед свисал прямо до пола, и несколько раз я чуть было не поскользнулся на нём.

(Даже несмотря на то, что она лёгкая, всё же тащить её на второй этаж… не так-то просто…)

Наконец, поднявшись наверх, я облегчённо вздыхаю.

Голоса со стороны кухни стихли окончательно. Напряжение исчезло.

Наступило время относительного спокойствия.

— …

Мой взгляд упал на две двери.

(Сомневаюсь, что соседняя комната, выделенная мной для Котори, потребуется теперь.)

Конечно, я мог бы оправдаться тем, что спать в одной постели, может довести меня до срыва… но… звучит не слишком то убедительно.

После всех этих высокопарных речей про истинную любовь, она, небось, считает меня евнухом, поднимающим и опускающим член одной только силой воли и использующим эту сверхспособность только в моменты божественного откровения…

Подобными способностями наоборот наделены порноактёры. Евнухи – кастраты.

(Праведники?)

Порноактёры.

(Ладно…)

…И… если я хоть заикнусь о срыве, то рискую растерять очки доверия.

Она и без того чувствует твой стояк.

А если ничего не объяснять и просто отправить её туда, то… вопросы по типу «Ты меня разлюбил…? Так быстро…?» и снова начнутся попытки завоевания через секс.

Придётся смириться с тем, что мы спим в одной постели…

Смириться?

Да пошёл ты!

Мирится он.

Одолжение делает!

Страдает!

Как же так!

Спать вместе с по уши влюбленной в тебя красоткой!

О нет!

За что мне такое наказание!

ДА?!

Только не снова…

(С каких пор ты стал такой эмоциональной истеричкой?)

Я – это Ты!

(Я не эмоциональная истеричка…)

Самая настоящая.

Нет, так продолжаться не может. Нужно меньше диалогов со своей башкой…

Шлёпнув себя по щеке, я частично восстанавливаю ясность ума.

(Хм…)

Можно прикинуться трудягой, и… загрузив себя работой, засыпать прямо за столом. Да и вообще где угодно.

Постоянно так делать не выйдет, но в любом случае упростит мне задачу.

В любом случае, наиболее безопасным выбором для ночлега Котори сейчас является моя постель.

(Я руководствуюсь… исключительно логикой и здравым смыслом.)

Почему-то эта мантра придала мне немного уверенности.

Даже если это всего лишь дешёвый самообман.

***

Добравшись до своей комнаты, я укладываю Котори на кровать.

Плед, принесённый мамой, все ещё был на ней, так что дополнительных действий с моей стороны не требовалось.

(Первым делом…)

Расположившись в кресле поудобнее, я проверяю его на комфортность для сна.

(Не слишком-то удобно…)

Заснуть на нём просто так будет проблематично.

Потребуется действительно занять себя какой-нибудь бумажной работой и вырубаться уже в процессе.

Ну, или забить на этот бессмысленный план и полностью отдаться во власть обнимашек Котори.

Но я не мог забить.

Почему?

Ни на свидании, ни ночью, ни утром после, я не мог нормально об этом поразмыслить.

Разве ей не хватило всего одного свидания, чтобы избавить меня от инстинктивного страха и физического отторжения самого факта её существования?

Впрочем, если не утрировать, это случилось не за одно свидание…

Ещё до него…

Её природное очарование способно затмевать события, дающие фору любому карикатурному ужастику? Возможно, так и есть, но дело не только в этом.

(Прошло уже полгода…)

А если воспринимать за истину только текущую временную линию, вынеся за скобки мою память, то… никакого ужаса и вовсе не происходило.

— ……..

Я пытаюсь обесценить те события?

Оправдать Котори?

Если смогу обесценить, то смогу избавиться от всех психосоматических недугов?

А если забыть, то и повода реагировать на неё как на нечто потустороннее не будет. Я смогу окончательно вернуться к обычному состоянию.

Исчезнут странности в моём поведении из-за всего этого, и…

Моя обычная жизнь… окончательно вернётся?

Или это просто несбыточная мечта?

В голове всплыл мамин вопрос.

(Что я сам думаю о Котори?)

Банальный здравый смысл подсказывал, что пока она рядом – моя жизнь никогда не вернётся к обычному состоянию.

Психически я был настолько измотан, что Лень настойчиво твердила мне сдаться. Сдаться… и забиться глубоко ей под юбку, пока она одной своей внешностью решает проблемы мировых воин.

Эмпатия и сочувствие… что-ж, у неё никогда не было полноценной семьи, а сама она жила в крайней нищете, так что… как ни старайся, а подавить эти чувства я не мог. Тем более, что я мог самолично дать ей всё это, и с меня бы не убыло. А когда она выглядит настолько благодарной за всё это…

Не воспринимает гостеприимство как должное, и делает всё возможное, чтобы отплатить за доброту.

Вдобавок к этому, её естество являлось идеальным стимулятором моих инстинктов защитника. Неважно насколько противоестественным было это чувство с точки зрения логики, я не мог его подавить.

Максимум, на что я был способен рядом с ней – чистой силой воли остановить руку, которая была уже на полпути к тому, чтобы начать гладить её по голове. А поскольку моя сила воли не всемогуща – иногда я проваливался.

И даже когда мою голову разрывало на части, когда меня тошнило, когда меня мучала бессонница, когда душу выкачивали из груди, когда буквально казалось, что лучше просто умереть… это странное, противоречащее всему моему естеству, желание всё равно ни на секунду не отступало. И чем больше времени я с ней проводил, тем сильнее оно становилось, и слабели проклятия.

Желание обнять… и никогда не отпускать.

Всё время я оправдывал и прикрывал его всем подряд: нежеланием поднимать её подозрения,

подрывать её доверие, рискуя тем самым жизнями семьи.

Не сказать, что это было ложью…

Но… как минимум, есть ещё одна причина.

Эгоистичная. Противоречащая всему моему естеству.

Я могу снова оправдать её биохимией организма, но это ничего не изменит.

Важен сам факт присутствия этого чувства.

Даже если оно продиктовано похотью, я не мог просто игнорировать его.

Позиция моего члена стояла неизменно.

Верно.

А Любовь… не подавала признаков присутствия.

Впрочем, я уже давно смирился с тем, что она уже никогда до меня не снизойдёт.

— …

(Позволено ли мне вообще… испытывать нечто подобное?)

(…Я должен сосредоточиться на сухих разумных умозаключениях.)

Попытаться, по крайней мере.

Закрыв глаза, на минуту я очищаю мысли от эмоциональных примесей.

Скорее всего, они снова заполонят мой мозг уже спустя секунду, но…

(Разве я не должен ненавидеть её за то, что она сделала?)

Даже если я смог это предотвратить, сам факт того, что она на это способна, должен на корню обрубать любой шанс на рост моей к ней симпатии.

Даже если она сделала это ради тебя?

(И почему это должно что-то менять…?)

Но ведь меняет.

(Хорошо, допустим…)

Если она действительно пошла на убийство моих родителей из чистой веры в то, что я их ненавидел (на счёт отца это даже не безосновательно), то…

— ……..

Под эту теорию отлично встаёт и убийство старосты, которую я на тот момент считал бесячей занозой в заднице…

Но если она готова зайти настолько далеко ради меня, то с чего я вообще решил, что смогу заставить разлюбить, просто ведя себя как идиот?

Насколько отвратные вещи я должен совершать, чтобы пошатнуть доверие человека, готового ради меня даже пойти на убийство?

Я был глупцом, раз считал, что на Котори сработают обычные методы.

А экстраординарные…

Только обратить любовь в ненависть, но в таком случае все просто умрут, и я пойду на новый круг.

Либо…

Если следовать этой теории…

Котори никого не убьёт, пока мои отношения с другими людьми не ухудшатся.

А раз сейчас я всегда рядом, то выводы из ниоткуда, как в случае с родителями, возникать не должны.

Пока я не выказываю негатива по отношению к кому-либо, убийств не будет.

Но в таком случае мне придётся перекраивать все свои предыдущие отношения со всей школой…

— ……..

(Почему мне настолько претит эта идея…?)

Моё презрение к ним настолько сильно, что я не против того, что их всех поубивают к чёртовой матери, лишь бы мне не пришлось лицемерно разыгрывать перед ними дружелюбие?

Нет… я мыслю не в том направлении.

Котори не настолько наивна. Она должна понимать, что в тот самый момент, когда она решится на это, всё автоматически кончится плохо и для неё.

Это крайняя мера.

А в тот раз, получается, она на неё пошла, потому что… потому что иначе моё внимание было не привлечь…?

Теория с чистой ревностью разбивается о близость их текущих отношений с мамой.

Идея отсутствия мотива как такового тоже звучит максимально глупо.

Просто потому что ей нравится убивать?

Нет, конечно, внешний вид бывает обманчивым и всё такое. Возможно, меня действительно водят за нос… Но… Котори? Просто кайфует от убийств?

Эм… не знаю… это… просто… не смотрится… никак совершенно…

Просто она кайфует от ТЕБЯ. Не от убийств. Отметай этот идиотский вариант.

Получается… что мне не приходит в голову ни единого аргумента в опровержение изначальной версии.

Она выглядит максимально стройно и убедительно.

Но почему тогда мне кажется, словно я что-то упускаю?

Что-то очень важное…

Например то, что Семпай она убила из банальной ревности?

И старосту.

И родителей.

Мотив не обязательно должен быть одномерным.

(В таком случае она бы первым делом убила их снова.)

А она куда-то торопится?

— …

Сейчас у неё достаточно времени, чтобы подстроить всё так, чтобы твои подозрения в конечном итоге упали на кого-то ещё.

Твоя пошатнувшаяся уверенность и медленно, но верно прорастающая к ней симпатия – отличный показатель, что её план протекает гладко.

— ……..

Или это всего лишь паранойя?

В любом случае… факты всегда можно исказить так, как выгодно лично тебе.

И в конечном итоге всё всё равно вернулось обратно к чувствам. С небольшой присыпкой морали и принципов.

Логика тебе здесь не помощник. Попробуй в следующей жизни.

Часть 6

Кто она для тебя?

Всего лишь безумная ревнивая маньячка, готовая выкашивать всех направо и налево из-за невозможности получить Тебя, закрывшегося от всего мира непробиваемой стеной?

Абсолютный союзник, способный читать твои мысли и готовый приводить приговор в исполнение в тот же момент, как ты о чём-то подумаешь? К тому же выполняющий грязную работу, позволяя тебе с чистой совестью рассуждать о морали?

Помеха твоему бесконечному поиску Истинной Любви?

Или идеальная кандидатка в спутницы для этого тернистого пути?

Может, всё вместе?

Или ничего из этого?

Примешь ли ты её чувства или предашь и разочаруешь так же, как и всех остальных?

В этом вопросе не существует неправильного ответа.

Выбор за тобой.

***

— … – после очередного оборота кресла закружилась голова.

Или это от мыслей?

Поднявшись, я выхожу на террасу.

Даже лёгкого хлопка дверью хватило, чтобы часть удобрений на верхней полке высыпалась из мешка.

(Чёрт…)

— Сейчас ведь сезон… неудивительно, что он был открыт…

Вздохнув, я открываю окно и облокачиваюсь о подоконник.

Лицо тут же обдувает приятный ветерок.

На мгновение меня покидают все мысли, и тело вспоминает о своих основных потребностях.

Снова клонит в сон.

Вглядевшись вдаль, ты замечаешь еле передвигающую ногами синеволосую девушку. Наиболее подходящее выражение, описывающее твои ощущения при её виде – бескрайняя печаль.

В сердце тут же что-то сжимается.

Прикрыв глаза рукой, я потираю виски.

(Всё было бы гораздо проще, если бы была одна только Котори…)

Я бы давным-давно разобрался в себе и уже решился на что-нибудь, будь здесь только она.

Но она не одна. И что-то внутри всё ещё отторгало её чувства.

Физическая непереносимость, умудрившаяся исчезнуть всего за неделю, была ничем в сравнении с этим.

Семпай.

Стоит мне допустить хотя бы малейшую мысль о сближении с Котори, как в голове тут же возникает её заплаканное лицо.

Грёбанный предатель.

Что бы я ни делал… какие слова ни подбирал… как угодно ни изворачивался… Я в любом случае причиняю ей боль.

Делала всё для сближения – игнорировал.

Рисковал жизнью вылезая из окон – довёл до слёз.

Вытащила меня из тьмы – воспользовался ею и её чувствами как какой-то пешкой в шахматной игре.

Вместо того, чтобы прийти к ней сразу – сомневался, трусил, постоянно чего-то выжидал.

Дурачился с белобрысой занозой в заднице, чуть было не отказавшись от собственного обещания ради сиюминутного удовольствия.

Обещал всегда быть рядом – не сказав ни слова ушёл к Котори и разыгрывал парочку, пока она топила горе в слезах.

Сама пришла ко мне домой с полным моральным правом убить прямо на месте, но вместо этого лишь обречённо наблюдала за очередным предательством в виде моего молчания и обнимашек с другой.

Даже сейчас… прежде всего я подумал о Котори. Подумал о том, как было бы хорошо, останься она такой навсегда… о том, что прожить остаток жизни рядом с ней – не такая уж и плохая идея. Сдать свои принципы с потрохами ради мнимой стабильности и спокойной жизни, выбросив Семпай за борт – главное, что переживать больше будет не о чем.

На каждом шагу сплошное предательство.

Мои слова об извинениях, попытках создать что-то «настоящее»… и гроша ломаного не стоили.

И тем не менее… даже после всего этого… она всё ещё верит… и ждёт.

Всё ещё…

…Ей всё ещё нужен такой трусливый предатель как я.

То, что я сейчас стою здесь – полностью её заслуга.

Лишь благодаря ей я не свихнулся в том кромешном осеннем аду.

Благодаря ей я перестал видеть во всём один лишь негатив. Перестал видеть в людях гнилых бездушных мразей.

Смог хоть немного, но измениться к лучшему.

Разве я не должен расшибиться в лепёшку, но исполнить все её желания? Сделать её хоть чуточку счастливее?

Не потому что задолжал.

Не потому что виноват.

Не потому что должен держать обещания.

Но хотя бы потому что она этого заслуживает.

Попроси она денег в благодарность, я бы тут же отдал все свои сбережения, лишь бы отплатить ей за всё.

Но…

— …Ей нужен я.

Достаточно одного меня.

Когда ей для полного счастья нужно так мало…

Казалось бы – что может быть проще?

Но я не в состоянии дать даже этого.

А раз я не в состоянии…

Внезапная боль в руке заставила меня поморщиться.

— …

Я ударил подоконник?

(Что это? Выплеснул гнев от собственной бесполезности?)

Лучше бы сделал что-нибудь полезное…

Глубокий вдох, и боль отступает.

Рука больше не дрожит.

— …

Возможно, мне с самого начала не стоило давать Семпай ложных надежд.

Эту часть я успешно прохерил.

Но не усугублять все ещё сильнее я ведь могу?

Да, это разобьёт ей сердце, но даже так будет лучше, чем заставлять её проходить через всё это.

Не могу осчастливить, но могу хотя бы уменьшить уровень несчастья.

Он будет запредельным в любом случае.

Но топить её в этом дерьме дальше – точно не вариант.

Пока не стало слишком поздно, мне нужно…

И тогда я останусь с Котори…

(Так будет правильнее всего…)

Правильнее всего?

(Да. Правильнее всего!)

Так будет правильно…

Будешь и дальше из-за собственного страха выбирать из двух зол меньшее?

Вперёд. Сделай это. Выбери меньшее зло.

Но ты прокручиваешь одни и те же мысли уже в сотый раз.

И каждый раз результат неутешительный.

Ты прекрасно осознаёшь перспективы такого выбора.

Раз отказываешься от Семпай так просто – следовательно, ты никогда её не любил. Но трахнул. Обещание сестре не держал.

Поклялся, что никогда не будешь таким же как отец. И вот он – итог.

Остаток своей жизни ты проведешь в полном осознании собственной никчёмности.

Предавший всё, во что когда-либо верил.

Предавший всех тех, кто верил в тебя.

Твоя жизнь будет абсолютно пуста и ничтожна. Нулевая ценность.

Даже смерть будет лучше подобной жизни.

И ради чего?

Из-за чего?

Из-за страха.

Из-за ёбаной нерешительности.

Снова. На те же грабли.

Так будет правильно, верно?

Вперёд. Сделай это.

Оу…

Ты все ещё мешкаешь. Как неожиданно.

Ну, давай тогда сходим на очередной виток обдумывания.

Заняться больше всё равно нечем.

…

……

……

……

……

— …

(Может, мне просто пойти и убить себя…?)

В том смысле…

Я смогу переиграть ситуацию так, чтобы…

(Нет… нет, нет, нет, нет…)

Это нельзя даже рассматривать как вариант.

Забудь об этом как о страшном сне.

Если начну полагаться на эту способность в обычной жизни, рискую либо израсходовать число попыток, либо застрять в цикле мгновенной смерти от холода – возрождения, либо… окончательно растерять собственную человечность.

Не то чтобы её много осталось…

— …

Но, даже если допустить…

Было ли решение положиться на Семпай ошибочным?

Я определённо добился прогресса за её счёт.

Да, она об этом не знает, но мне достаточно того, что я знаю.

И, даже если я откачусь обратно…

Что я должен менять?

Игнорировать Семпай потому что Котори в любой момент может проснуться?

Суть-то никак не поменяется.

А если разыграть так, чтобы Котори в кому не впала…

Жить с Котори с цельной памятью…

Чем больше я об этом думаю, тем меньше мне хочется откатываться…

Такое ощущение, что текущий расклад – на деле как раз результат величайшего везения.

Я не мог добиться лучшего результата…

А даже если и мог… сейчас подобные мысли ничего не дадут.

Эффекты моих решений остаются вне пространства и времени.

В моей голове.

И прийти к чему-то нужно именно здесь.

Добиться консенсуса с самим собой.

И если я хочу выбрать «правильный» путь…

Нужно что-то сделать с основой.

Да. Избавься от того, что делало тебя тобой. Стань пустышкой. Ради Лучшей Девочки. Заползи ей под юбку. Она только этого и ждёт!

(Заткнись…)

— …

Не зацикливаться на незначительных вещах…

Текущие обстоятельства второстепенны…

Они не должны влиять на принятие решений… никто другой не должен влиять на них.

Это только про меня.

И я…

Должен принять решение.

…Даже несмотря на то, что ни разу в жизни не смог следовать выбранному пути до конца.

Часть 7

[08.04.13.12]

Нет, я конечно должен был уже привыкнуть к такому порядку вещей…

Точнее, я должен быть счастлив… наверное…

Ведь подобный уровень заботы действительно редкость.

Но…

Что-то…

— …

Наверное, это просто со мной что-то не так…

Определённо со мной.

Подавив непонятное чувство в груди, я заменил его *истинной* любовью и благодарностью за доброе отношение.

Ведь не существует совершенно ни одной адекватной причины испытывать дискомфорт от того, что в твоей комнате кристально чисто, а твоя одежда выстирана и выглажена.

(Хотя помогать мне переодеваться всё-таки чересчур…)

…Я все ещё не знаю, как на это реагировать.

Не сказать, чтобы я был прям совсем уж независимым от всего, всё же воля и стремление к самостоятельности у меня присутствуют.

Возможно, я лишь снова себя накручиваю, и поводов для беспокойства нет.

Но всё-таки, как минимум теряться и становиться беспомощным без неё мне совершенно не хочется.

(Нужно найти чем заняться…)

Занять себя работой.

Да…

Точно…

Как в старые добрые времена, трудоголизм поможет забыться.

Забота Котори перестанет восприниматься удушающе, я буду занят делом и перестану деградировать, мысли не будут заняты всякой чушью, наконец-то появится возможность получать деньги и в целом…

(Когда я работал, у меня не было времени на депрессию и мысли о том, что я всех подвёл…)

Я давно думал об этом, и сейчас это кажется наилучшим вариантом.

— …

Лёгкое удушье заставило меня кашлянуть.

— Ой, прости. Туго? – Котори тут же ослабила давление на моём галстуке и слегка потупила взгляд.

Господи… я совсем не могу на неё злиться.

— Всё в порядке. – глажу её по голове.

— …Если… м-м-м… что-то… не так, то… сразу… м-м-м… говори… – покачивая головой из стороны в сторону в такт поглаживаниям и закрыв глаза, она расплылась в беспечном блаженстве.

(Нет, мы точно так опоздаем…)

— Обязательно.

— Я… серьёзно…

— Я знаю. Ты и так идеальна, так что всё хорошо.

— … – она собиралась сказать что-то ещё, но противопоставить комплименту ничего не смогла и просто покраснела.

— Хотя в плане готовки звёзд с неба все ещё не хватает.

— Р-разве у меня не получается всё лучше и лучше с каждым разом…?

Мне казалось, что она просто надуется, но, похоже, для неё это действительно важно.

— Я не отрицаю, но, разве ты не режешься каждый раз, когда берёшься за нож? Я был бы счастлив, если бы наши лейкопластыри не заканчивались с такой безумной скоростью.

— У-у-у…

— Ладно-ладно… хм… – на первый план выходит идея, которую я уже много лет старательно закапывал.

— …Может, попробуем приготовить что-нибудь вместе?

(Блин, и почему говорить это так смущает…?)

Идея заключается в том, что, увидев меня в деле, Котори тут же воспрянет духом, осознав, что для неё не всё так безнадёжно.

— …

Или…

…Она будет безмерно счастлива уже от одного моего предложения…

— К-конечно! Но ты не против, Семпай…?

— Только не жди от меня сверхрезультатов.

— Тогда…! Тогда…!

— Подумаем об этом по дороге в школу.

— Хорошо! – она тут же берёт меня за руку и ведёт за собой.

Глядя ей вслед, я мог только вздохнуть.

Определённо… самые странные отношения из всех, что я когда-либо видел.

***

Поскольку времени на завтрак так и не осталось, утреннюю порцию Котори упаковывает вместе с обеденной.

Как обычно, Шиори давно ушла из-за клубной деятельности, а мама на работе. Большую часть будних дней мы с Котори остаёмся наедине. Хотя… как наедине… я уходил в сад сажать цветочки, а Котори занималась домашними делами. А если подобные дела себя изживали, то остаток дня мы просто смотрели телевизор или что-то вроде того. Пару раз она, конечно, предложила достать что-то из моей коллекции, но… что-то мне не особо хотелось прикасаться к настолкам.

Довольно однообразный и унылый досуг, соглашусь.

Но до сегодняшнего дня я не особо стремился его менять.

Такой комплект максимально сокращал уровень взаимодействий между нами, а когда тебя физически уничтожает сам факт этих самых взаимодействий, это – то что доктор прописал. Плюс, так шансы на то, что ей самой это всё надоест и она меня бросит, были выше.

Потому и не стремился менять.

…До сегодняшнего дня.

Теперь же, когда предпоследняя преграда исчезла…

А от последней преграды я избавлюсь сегодня.

— …

Апрельский ветер по идее не должен быть совсем уж холодным, но даже он заставил меня продрогнуть до самых костей.

(Интересно… а от этого «недуга»… я вообще смогу когда-нибудь излечиться…?)

Впрочем…

Он существует чтобы напоминать о моём предательстве и слабохарактерности.

Часть 8

Не встретив особых препятствий по пути, мы с Котори успешно добираемся до школьных ворот.

После их пересечения на меня традиционно начали бросать полные зависти и убийственных намерений взгляды мужской половины коллектива, но, то ли я к ним окончательно привык, то ли они смирились… В любом случае, их концентрация и количество заметно уменьшились.

Единственное, что интересовало в этой ситуации конкретно меня – попытаются ли они что-то предпринять?

Точнее, они наверняка *уже* попытались.

Достаточно просто подловить момент, когда меня нет рядом.

Если взять школьное время, то это примерно... всегда.

Да, Котори сказала, что будет навещать меня каждую перемену, однако... это обещание целиком и полностью провалилось. Она сильно из-за этого переживала и долго извинялась, но, если быть честным, то вина за это лежала на мне.

Всю неделю я старательно её избегал, засиживаясь в основном в кабинете студсовета, либо, если оттуда прогоняли, просто шлялся по школе, мысленно молясь о том, чтобы не попасться ей на глаза.

(Да. Это полное ребячество и идиотизм…)

Хотя, если бы не время, проведенное порознь, не факт, что я бы выдержал.

Конечно, чем больше времени мы проводили вместе, тем быстрее негативные эффекты ослабевали, но… это в любом случае было слишком постепенно. Я попросту мог на неё сорваться. И тогда всё стало бы ещё хуже.

Бегать от неё было необходимо ради нашего общего ментального здоровья…

(И вообще, какого чёрта я тут оправдываюсь…?)

Мне не стыдно, ясно?

Совсем не стыдно…

— …

Нет, чёрт побери…

Что-то странное творится…

Это дурацкая ноющая боль в груди…

(Мне. Не. Стыдно.)

Она полчаса извинялась за то, что не смогла навестить тебя на перемене. Тридцать, мать его, минут. С отчаянием в голосе и страхом, что после этого ты её возненавидишь.

(Заткнись…)

Так быть не должно…

Почему-то мне уже начинает казаться, что когда меня тошнило в компании Котори, жить было, не знаю, легче…?

По крайней мере, в те времена мой морально-нравственно-чувствующий компас не крутился во все стороны как чёрт знает что.

А даже если и крутился, то не настолько развязно и непонятно.

И что же в нём непонятного?

(Сейчас на него вообще нельзя положиться.)

Так или иначе, пока меня не было рядом, кто-то из учеников наверняка мог наговорить Котори всякого.

В конце концов, моя неприязнь не одностороння.

И то, что сейчас я вроде как по идее изменился и стал как минимум относиться ко всем нейтрально, формировавшиеся годами отношения взаимного презрения не отменяет.

Скорее наоборот. Из-за Котори они обострились.

Так что, сейчас… подпортить мне жизнь – святое дело каждого учащегося этой сраной школы.

И начать с массовой клеветы моей девушке – звучит как план. Который явно провалился, учитывая текущее отношение ко мне Отонаси.

Впрочем, Котори про это ничего не упоминала, так что это всего лишь мои догадки.

Всегда есть шанс, что моя паранойя просто всё приукрашивает.

Конечно, можно просто спросить у самой Котори, но… это всё равно ничего не изменит.

С другой стороны, попытка очернить меня перед Отонаси может жестко аукнуться тем, кто попытается…

(Хм…)

Я мог бы попросить Котори не совершать ничего… опрометчивого, но всё снова стопорится об её потерю памяти.

Если буду даже намекать на это, рискую подорваться на мине, на которой я и без того уже сижу не особо спокойно.

Да и в целом… мне ведь нет до них никакого дела.

Если идиоты от этого помрут, то сами виноваты. Я ничего не знаю.

(Наверное, не стоит так говорить…)

Моя совесть всплывает исключительно в самые неподходящие моменты…

— …

Открыв глаза после затяжного зевка, я обнаружил себя у входа в класс.

Да, Котори, как и полагается, молча вела меня во время моего очередного падения в глубины разума.

Сверяюсь с часами.

(Время ещё есть.)

— А, спасибо.

— На обед вместе пойдём? – передав мне бэнто, Котори вопросительно склонила голову набок.

— …

— Что-то случилось, Семпай?

…Что-то определённо случилось.

(Раньше она бы всеми силами попыталась навязаться со мной. А сейчас спрашивает и покорно ждёт ответа.)

Наши отношения действительно изменились.

В них начали проклевываться ростки доверия?

Для самой Котори это может и так…

Но я…

Что-то все ещё неправильно.

(Недели всё-таки недостаточно…)

Но решение принято.

Оно окончательно.

Передумать сейчас – вершина безумия.

Даже если меня не устраивает результат… оно не изменится.

Не должно.

А потому…

— Нет… просто думал, как сильно мне с тобой повезло.

Как обычно – секундная задержка – обработка информации, и вот, она снова растаяла.

— Семпай…

Меня поцеловали.

Без дезинтегрирующих любой намёк на симпатию тошноты и страха, я ощутил лишь лёгкое волнение, намёк на смущение и… теплоту, перекрывающую даже тот самый Холод.

Можно ли назвать это Любовью?

Я всё ещё не уверен.

Хотя…

Мне ведь нужно, чтобы это была именно Любовь.

Иначе всё пойдёт прахом.

Но… даже в собственной голове… язык у меня не повернулся.

Впрочем, я и не ждал, что смогу переформатировать себя за день.

А потому… нужно просто проводить больше времени с Котори.

И всё точно… наладится.

(Совершенно точно…)

Мой кулак непроизвольно сжался от бессилия.

(Подобные мысли подрывают авторитет моего решения… Изыдите.)

После этого Котори повторила свой вопрос, и я, недолго думая, согласился.

Конечно, возникло небольшое искушение отказаться – проверить, действительно ли уровень доверия между нами возрос, и стала ли она возражать и заставлять передумать, но… как-то это… тем более, что реальных причин для отказа всё равно не было.

(Хм…)

На секунду, прежде чем растаять от любого моего комплимента, Котори подвисала.

Каждый раз.

Словно пытаясь осознать истинный смысл сказанных мною слов.

Пытаясь… читать между строк.

Учитывая, насколько она преуспела в чтении меня, её реакция, в ответ на мои лживые

комплименты, тоже может быть наигранной.

Сложно поверить в эту версию, учитывая, насколько каждая её эмоция рядом со мной выглядит яркой. Особенно яркой на контрасте с её обычным сдержанным поведением.

С другой же стороны… должны ли сдержанные люди проявлять настолько интенсивные эмоции с такой частотой?

Они кажутся… неестественными…?

Или я просто пытаюсь убедить себя в этом, чтобы…

(Или просто слишком глубоко копаю…)

Недостаточно глубоко. Заройся в пучину сомнений и докопайся до Истины.

(Ценой всего…)

Ценой всего.

Но я уже решил, что оставлю всё как есть…

— …….

Я снова перевёл взгляд на Котори.

Заметив мой взгляд, она тепло улыбается.

(И почему я вообще пытаюсь… увидеть в столь чистой улыбке двойное дно…?)

Потому что оно есть?

— Я зайду за тобой в обед. – поцеловав на прощание, Котори уходит в свой класс, оставив меня наедине со своими сомнениями.

(Возможно ли вообще построить нечто «Настоящее» на фундаменте из недоверия и лжи…?)

Ответ настолько очевиден, что просто смешно.

И тем не менее, я всё равно цеплялся за дурацкую надежду, что, повторяя цикл обмана, смогу поменять исход.

Часть 9

Стоило Котори меня покинуть, как тут же появилась новая проблема.

(Только не снова…)

— Кацураги… то, что я закрываю глаза на твои прогулы, не означает, что ты можешь приходить и уходить, когда вздумается. – на лице Классрука отчётливо прослеживались нотки разочарования.

(Примерно такого я и ожидал, ага.)

Но всё-таки…

— Вы же сами мне разрешили…

— Ну, да, но…

— Но?

— Я сделал это с расчётом на то, что из-за своей высокой нравственности ты не воспользуешься моим предложением.

— Сама честность.

— И вообще, это распространялось только на прошлый год.

— Остальные постоянно прогуливают и ничего.

— Им за это попадает.

— Неужели?

— Тебя спасает лишь прошлая репутация и успеваемость. Но даже эти вещи рано или поздно иссякнут, если продолжишь расходовать созданный ими кредит доверия с такой скоростью. А моя власть здесь далеко не абсолютна.

— …

— Ты понял, к чему я клоню?

— …Какого чёрта вы говорите это мне? Разве нет… более подходящих кандидатов для нотаций?

— Я говорю это именно тебе, потому что твоё поведение положительно влияло на немалую часть учеников.

— …

— …Да. – он и сам понимает, насколько бредово это звучит.

— …Извините, что?

— Да, в это трудно поверить тем, кто знаком с тобой лично, но… большинство-то с тобой незнакомы. – он прокашлялся.

— Ты, несмотря на… довольно свободную атмосферу без наличия строгих правил, всегда был в верхних строчках по успеваемости, а также единственный с идеальной посещаемостью.

— В общем, может и не напрямую, но тренд на прилежность явно начался с тебя. Взять ту же Номуру. Раньше она явно была не особо в восторге от должности старосты.

— …Почему?

— Не особо верила, что её будут слушаться. И не особо верила, что сможет что-то исправить.

— Вам достаточно просто ужесточить правила.

— Это не в моей власти.

— …Ладно. Хотите сказать, я её надоумил?

— Я и говорю. Ты не был обязан быть прилежным, но был вопреки всему. Без всяких предупреждений. И, ну… она начала верить.

— Как-то слишком притянуто за уши звучит.

— Она сама рассказала.

— Ладно…? Эм…

Мне очень не нравится, куда ведёт этот разговор…

— И поэтому она стала Старостой и стала одаривать всех лучами дружбы и нравственности. Вдохновившись моим примером.

— Верно.

— И если я сейчас укачусь на дно, то есть вероятность, что и она тоже.

— Быстро схватываешь. И да, не только она. Такой нелюдимый одиночка, наверное, не догадывается, но в школе есть немало людей, почитающих тебя.

— …Нет, на это я точно не куплюсь.

— Я же говорю, ты заслужил это всё своими действиями в средней школе и на первом году старшей. Даже если изо всех сил пытаешься это игнорировать и ставить всех под гребёнку мудаков.

(Он вешает мне лапшу на уши…)

— …С каких это пор самый безалаберный учитель из всех, что я когда-либо встречал, так беспокоится о нравственности учеников?

— Ты к чему это клонишь? Я, между прочим, самый отъявленный поборник морали в этой школе. Среди учителей.

— И как, хорошо помогает сон во время уроков поднять всеобщую мораль?

— …У всех есть слабые места.

И мы оба одновременно вздохнули.

— Если честно, мне всё-таки кажется, что вы приукрашиваете. Староста – это Староста. И быть ею попросту в её характере. Даже если моё влияние там и есть, оно крайне незначительно.

— Я лишь передаю то, что она сама о тебе говорит.

— Ну, даже если это и так, она не пойдёт за мной на дно. Максимум, разочаруется. А мне не привыкать разочаровывать людей.

— То, что ты говоришь это с монотонной интонацией, вгоняет в тоску ещё сильнее, чем должно.

— Прошу прощения, что усугубил вашу депрессию.

— …

Он даже не попытался это отрицать. Видимо, в последнее время всё совсем плохо.

— Может, вам навестить психиатра? Я знаю одного. Он очень неплох, когда дело касается… вот этого всего.

А почему же ты сам не пошёл, когда было нужнее всего?

(Я не особо доверяю психиатрам.)

Тогда ты знаешь ответ на свой вопрос.

— Ты последний, от кого я хочу это слышать.

— Ну мне же стало лучше.

— Благодаря ему?

— Ага…

Очередная ложь.

(Да, но нервы он мнёт действительно классно. А этот засранец заслужил, чтобы ему задали нервотрёпку.)

Добрее надо быть.

(А я что, по-твоему, творю зло?)

— Нет, пожалуй, я воздержусь.

— Вот как. Ну, если всё же решитесь, просто спросите.

Как минимум, я заставил его призадуматься.

— Обязательно. – судя по тому, как он притих, он не слишком жалует упоминания по поводу своего здоровья.

Тем более от школьника.

— Ну так что? – стараясь как можно скорее уйти от неприятной для себя темы, Классрук свёл всё к началу.

Он волнуется, что без меня школа окончательно ввергнется в анархию и придётся делать хоть что-то для восстановления порядка?

Более чем уверен, что все эти россказни про поднятие морали учеников за мой счёт – чистая брехня.

Скорее наоборот, завидев меня, они начали благословлять господа за то, что им даровали свободу и не нужно быть настолько зашуганными зубрилами.

Я влияю на общество исключительно в негативном ключе. Другого ответа я не приму.

(Но если это не ради общей нравственности, то ради чего…?)

Неужто беспокоится за то, что такой *чрезвычайно* ценный для общества кадр начинает идти по кривой дорожке прогулов и содомии?

(Хорошие оценки и отсутствие прогулов никак не повышают вклад в развитие общества…)

Нужно было хотя бы раз поучаствовать в школьных мероприятиях, а так…

Да и друзей у меня нет…

(Но если не это, то тогда что…?)

В упор не вижу его мотивов…

Разве что он не сорвал, и за прогулы действительно попадает всем…

(Не хочу даже слышать об этом.)

Твоя твердолобость иногда не знает границ…

— Хорошо. Староста, допустим. Но кто ещё? Кто все эти люди, так почитающие меня просто за то, что я вовремя на уроки прихожу? Я хочу услышать имена.

— … – Классрук тяжело вздохнул и, смирившись, начал перечислять.

— …

Так, стоп.

Подождите…

— Тут ведь… одни женские имена…?

— Хм? Ну да. Всё верно.

— И что, ни одного парня? В смысле, вообще? Никто из мужской половины коллектива ни слова обо мне хорошего не сказал?

— … – он почесал голову.

— …По крайней мере, я ничего такого не слышал. Но, справедливости ради, парни в целом не очень любят о таком сплетничать, так что не принимай близко к сердцу.

Поздно…

— Знаете, до этого момента где-то глубоко в душе у меня ещё теплилась надежда… – я начал наигранно нагнетать драмы. — Надежда, что когда-нибудь я наконец заведу себе настоящих друзей…

— …

— Но этому не суждено сбыться. Никогда.

— …

— Я обречён влачить жалкое существование среди женщин. Вечно сидеть в этой пельменной вечеринке.

— …

— …

…Что-то кончился у меня запал к драматизации. Похоже, я и в самом деле слишком привык, или устал надеяться на изменения.

— …Почему бы просто не дружить с девочками? – на этот раз вопрос был поднят осторожно, с опасением, что мои чувства могут быть задеты. Определённо… он раньше не сталкивался с проблемами вроде моей, а потому не может сказать ничего конкретного.

— Дружить с девочками? Вы правда верите в то, что это возможно?

— Ну а почему нет?

— Не знаю. На моей памяти, оно всегда заканчивалось плачевно.

— Всё бывает в первый раз. Просто попробуй.

— …Была бы хоть одна, кто заинтересована исключительно в простой дружбе… – невольно вырвалось у меня. Впрочем, достаточно тихо, чтобы никто этого не услышал.

(А даже если и есть, то…)

Впрочем, неважно.

— Пожалуй, воздержусь.

— Со студсоветом не срослось?

— …Отчасти вы были правы. Личность там сидит… довольно экстраординарная.

(Правда почему-то она там одна, когда мне обещали коллектив…)

— Хм. – уголки его губ слегка приподнялись. – вы оба зеркальное отражение друг друга. Оба любите корчить из себя невесть что, а потом про себя жалуетесь, что одиноки.

— Вам так сильно нравится вмешиваться в личную жизнь других людей?

— Учеников. Я учитель, в этом суть моей работы. К тому же, если бы вы действительно не сошлись, ты всегда мог развернуться и уйти. В конце концов, она не из тех, кто любит ограничивать свободу других. Более того, она не до конца это осознаёт, но даже её бунтарство является частью школьных традиций. Свобода и всё такое.

— А ещё не нарушена традиция мне знакомиться исключительно с женщинами…

— Ну извини уж. А вообще, на твоём месте я бы не жаловался.

(…Он тоже из тех, кто думает, что женский коллектив – это весело…)

Никто меня не поймёт.

Никто.

Никогда.

— Ну, она вряд ли заинтересована в дружбе. Я для неё так, подопытный кролик.

— Даже такие отношения огромный прогресс для человека с её характером. Ты ей явно приглянулся.

Я подавил зевок.

— Ты не выглядишь особо довольным.

— Всё-таки я ожидал немного другого.

Он не ответил.

— В любом случае, с делами я уже более-менее разобрался, так что с этого дня буду ходить в школу как обычно. Как минимум за меня вам не будут прилетать нагоняи.

— Я этим занимаюсь не под страхом нагоняев… рад, что мы, как всегда, пришли к взаимопониманию. – он кивает.

(Не смогу я никогда поверить, что он это из добрых побуждений делает.)

— Звонок уже давным-давно прозвенел, Учитель.

— Плевать я на него хотел.

(О чём я и говорил…)

— Проходи вперёд, иначе и сегодня зачту опоздание.

(Доверие к моей персоне мгновенно исчерпалось…)

— Да, да…

Зайдя в класс, я, как и всегда, без лишних телодвижений усаживаюсь на своё место.

Жизнь постепенно возвращается к той самой точке повседневности, которую я всегда искал.

Не бесплатно, но я никогда и не ожидал, что подобное можно провернуть без жертв.

Но окупает ли мнимое спокойствие все эти жертвы?

— …

В очередной раз усилием воли вытолкнув все сомнения, я заставляю себя *наслаждаться* повседневностью, которую заработал ценой собственной личности.

(Друзья, да…?)

Сегодня всё закончится.

Часть 10

— …

Сверяюсь с часами.

Уже в пятый раз за последние несколько минут.

У меня давно вошло в привычку сверять время, когда нервничаю.

Здесь строго определённый тип нервозности. На другие эта привычка не распространяется.

— …

Глядя на медленно тикающие стрелки часов в левой руке, пальцами правой я методично постукивал по бедру.

Со стороны может показаться, что я чего-то жду.

Возможно, чуда.

На деле же, кого-то.

И этот кто-то давно уже на месте. И тоже ждёт меня.

Просто, как и всегда, перед этой дверью я бессилен.

Вся сила воли уходит просто на то, чтобы подавить желание сбежать. Как отсюда, так и от ответственности за своё предательство.

Сдвинуться с места я не могу. Могу. Не хочу.

Даже несмотря на то, что уже с десяток раз прокручивал в голове варианты и всегда приходил к этому решению, всё равно…

В самый ответственный момент я не делаю ни-че-го.

Я даже Котори отправил домой, чтобы было легче.

Но похоже, возымел обратный эффект.

(Разве всё не должно быть наоборот…?)

Просто обязано.

Это банальный здравый смысл.

— …

Стоило протянуть руку, как она тут же возвращалась в исходное положение.

При попытке прикоснуться к ручке двери, одновременно как бьёт током, так и обжигает пламенем.

Иллюзорное чувство. Олицетворение страха.

Но не первобытного страха смерти.

…Страха причинить боль той, кто дорог.

…Снова.

Пытаешься найти причину, чтобы сбежать?

(…Нет.)

Поговорить наедине.

Я должен ей хотя бы это.

Это меньшее, что я могу сделать.

Тогда сделай. Она и без того ждёт уже слишком долго.

— …

***

Даже несмотря на то, что я регулярно проверял часы, я не мог сказать точно, сколько прошло времени.

Этот бессмысленный цикл попыток открыть дверь и одёргивания руки в самый последний момент мог продолжаться вечно.

Однако, во время очередного повтора…

Дверь открылась сама.

…Похоже, у кое-кого наконец закончилось терпение.

Потухшие полные слёз глаза смотрели в пол. Но стоило их поднять…

Она моргнула.

Затем моргнула ещё несколько раз, будучи не в силах поверить в увиденное.

Слёзная плёнка переполнилась, и пара слезинок начала катиться по щекам.

Тут же взяв себя в руки, она мгновенно вытирает их рукой, не желая хоть на секунду показаться мне в неприглядном свете.

Ведь она – сильная девочка.

А сильные девочки не плачут. Даже после того, как их предали.

Сильные девочки плачут только от облегчения, когда их любимый чудом избежал смерти.

А потому она не заплачет.

Не при мне.

Не сейчас.

На мгновение её глаза засветились от счастья. Но лишь на мгновение.

А после пришло осознание. И страх.

Уверенность не была полной, но и безосновательной тоже.

В конце концов, я ведь и правда пришёл сюда, чтобы всё закончить.

Как и в тот раз.

Как и в тот раз.

(Как там было…? «Не можешь покинуть клуб, пока не одолеешь его сильнейшего участника?»)

Я провёл с Семпай достаточно времени, чтобы досконально изучить её стиль игры.

А она мой – нет. Я ни разу не выкладывался на полную рядом с ней.

Сперва – просто из-за состояния, потом – просто чтобы права покинуть клуб не было.

Но теперь…

(Так будет лучше…)

Однако…

— …Я – но продолжить мне не дали.

— Тсс… – она прижимает к моим губам указательный палец.

Вы с ней зашли слишком далеко, чтобы старые методы работали.

Оставив палец на своём месте, она отвела взгляд вниз, после чего, закрыв глаза и кивнув самой себе, набрала в грудь побольше воздуха.

Ритуал избавления от деструктивных мыслей. Тебе бы не помешало проводить его почаще.

Несколько секунд мы провели в таком положении. После чего… её взгляд был полон уже не слёз, а тихой решимости.

— Подобные разговоры не должны проходить в дверях. – понизив голос, она обходит меня и кладёт руки мне на плечи.

— Ты согласен со мной, Кохай-кун?

— …

— Ну же, не стой столбом. Проходи. – легкий толчок вперёд.

Что-ж… я и без того не ждал, что смогу всё решить всего лишь парой слов.

***

Зайдя в комнату клуба, я услышал два щелчка.

Один, очевидно, звук закрытия двери, а второй…

(Она заперла её на ключ…?)

Часть 11

(А здесь всё по-прежнему…)

Забавно, но единственным местом, абсолютно никак не изменившимся со времён осени, был этот клуб.

До пробуждения Котори я был здесь довольно частым гостем, и каждый раз меня встречала абсолютно идентичная картина.

Словно застывший во времени; всё до последней пылинки всегда оставалось на своих местах.

И он так и будет обречён застрять в этом моменте, пока единственная цель, ради чего он вообще существует, не будет исполнена.

Прислонившись к уже закрытой двери и приложив руку к груди, Семпай с облегчением выдохнула.

— А…

— …Присядь. – меня снова прервали.

Вздохнув, я иду в сторону диванов. Семпай тем временем идёт к окну и задёргивает шторы. Но само окно не закрывалось: видимо, для хоть какого-то притока свежего воздуха.

После чего включает свет, возвращается и садится напротив.

И снова, несмотря на то, что я был здесь уже кучу раз, воспоминания охватывают меня лишь сейчас.

Существование Котори где-то рядом заново активирует их, вызывая некое подобие… ностальгии? В каком-то смысле, тогда всё действительно казалось проще.

Тогда меня заботила лишь безопасность моих близких, а мораль отходила на второй план.

Стоило лишь раз попытаться поступить по совести, и вот – я сижу здесь. Получивший наихудший исход из всех.

— …

— …

Сколько ни оправдывайся, ни проси прощения, итог будет один. А потому я собирался обойтись лишь парой предложений, дабы не растягивать эту и без того чрезмерно долгую предсмертную агонию.

Прямо как тогда.

И прямо как тогда, мне не позволили этого сделать.

Двух прерванных попыток начать разговор оказалось достаточно, чтобы вся моя храбрость улетучилась.

Наверняка она именно этого и добивалась.

И если попробую снова – она снова найдёт уважительную причину не дать мне закончить.

И с каждым разом начать будет всё сложнее и сложнее.

Впрочем, дополнительных попыток и не потребуется. Я уже не в состоянии вымолвить ни слова.

— …Не нужна тебе я стала… С момента твоего дня рождения… Совсем… – её голос звучал настолько тихо, что я едва мог его расслышать.

— Заболела… ни разу не навестил…

— …

— На звонки и сообщения не отвечаешь…

— …Это…

Я заблокировал её номер на случай, если Котори начнёт проверять мой телефон, чего она так и не сделала, но… разве я могу об этом сказать?

— В клуб не приходишь… избегаешь…

— …

В горле пересохло, а нужные слова, что я заготовил задолго до начала разговора, внезапно вылетели из головы.

Но должен же я хоть что-то сказать… пусть даже несвязную чушь.

Так что…

— …

— Кохай-кун. – меня прервали. Опять.

Впрочем, это хоть какой-то прогресс.

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Может, я и кажусь наивной идиоткой, но всё-таки. – пытаясь

унять напряжение, она скрещивает руки в замок.

— Не могу обещать, что не расплачусь где-нибудь в середине, но… – на секунду она отводит взгляд в сторону и самоуничижительно улыбается.

— …Можешь ли ты хотя бы выслушать меня, прежде чем… вот это вот всё…? – несмотря на то, что голос был весьма тихим, в нём сохранялась твёрдость.

Она ещё не сдалась. Потратила последние крупицы былого боевого духа, но не сдалась.

Я киваю в ответ.

— …Спасибо… – одного только этого для неё хватило, чтобы немного успокоиться.

— …По правде говоря… я столько всего хочу тебе сказать… даже не знаю, с чего начать… я…

Осознав, что запинается, Семпай остановилась, пытаясь сформулировать хоть сколько-нибудь связную мысль.

Не пытайся отвечать. Дай ей высказаться.

От ветра слегка всколыхнулись занавески.

— Наверное, я сама во всём виновата…

Чушь. Вина целиком и полностью на тебе.

— …Знаешь, когда ты впервые заговорил со мной по-настоящему, я была так счастлива… Словно всё, о чём я мечтала на протяжении стольких лет… наконец-то исполнилось. – рассказывая об этом, Семпай предалась воспоминаниям, и на некоторое время её лицо потеряло страдальческое выражение.

— Нечто большее…? Я не могла даже помыслить о чём-то столь наглом. Случайно не разрушить эту хрупкую простую дружбу – максимум, на что я могла рассчитывать. Вроде и немного, но этой дружбы мне хватало, чтобы чувствовать себя на седьмом небе. Можно даже сказать, что эти два коротких месяца были…

(Не продолжай…)

— …Лучшими в моей жизни…?

— …

Намёки на ложь отсутствуют полностью. Она действительно в это верит.

— Но для тебя, Кохай-кун… это вообще ничего не значило…? – её глаза слегка увлажнились.

(Ошибаешься…)

Ни капли.

— Нет…! я совсем не это хотела сказать…! Прости… – закрыв глаза, она опускает голову.

Ей неоткуда было об этом узнать, но прав обвинять тебя у неё на самом деле куда больше, чем она думает.

— Я просто… такая трусиха… Испугалась, как дура понадеялась на то, что всё образуется само по себе…

— «Нужно только подождать»… «просто немного подождать и он будет твоим»… повторяла я раз за разом… раз за разом на протяжении нескольких лет…! – не в силах усидеть ровно, Семпай срывается с места.

— И я жду… как идиотка… всё время только и делаю, что жду! – шаг вперёд в мою сторону.

— …Разумеется, так тебя первая встречная охомутает. – ещё шаг.

— Но с меня хватит. – не успел я заметить, как Семпай оказалась практически вплотную ко мне.

— Если и это не сработает, то я даже не знаю… – последняя часть фразы была проговорена шёпотом, так что я не смог её расслышать.

— Послушай…

Вместо этого она лишь распустила волосы и наклонилась ещё ближе. Впервые в *этой* жизни её лицо оказалось настолько близко ко мне.

Забавно, но из множества возможных мыслей, которые могли прийти мне на ум в такой ситуации, сохранилась лишь одна:

Её внешность не чета Котори.

Всё ещё достаточно красива, чтобы разбивать мужские сердца, но всё же.

(Стоп… не время для этого…)

— Нет… это ты меня послушай… – томный голосок в такой близости от моих ушей, казалось, отключал любые намёки на рассудок.

Просто сдайся, и сможешь снова услышать, как она стонет.

Уровень воды в нижней части тела слегка поднялся.

Отток из головы в нужное место.

(Нет… я… чёрт…!)

Начав с плеча, она легонько, поглаживая, вела руку вниз. Настолько осторожно, насколько это в принципе возможно. Как будто если приложить чуть больше силы, то я тут же рассыплюсь как кусок хрусталя.

Как будто ты не знаешь, что единственным, по отношению к кому она неспособна применять насилие, был есть и будет Акута Кацураги.

В любом случае, дойдя до запястья, Семпай обхватывает его и… прижимает мою ладонь к своей груди.

— …Послушай, как бьётся моё сердечко…

— …!

У меня перехватывает дыхание.

Эта мягкость…

Моя рука утопает в ней.

Голова пустеет. Мысли путаются.

Много воды утекло с тех пор, когда ты прикасался к ним в последний раз. Твоё тело отчётливо помнит ощущения от прикосновений к ним. А потому заметить, что что-то не так, довольно просто.

(Ты хочешь сказать…)

Правильно. Они стали ещё больше.

— …

Я сглатываю.

Мгновение, и вторая рука уже прижата к второй груди.

— …Ну же… нельзя быть таким нерешительным~

Она дело говорит. Будто ты не знал, что это обязательно случится.

— …

Поскольку ты до сих пор её не оттолкнул, её уверенность в себе внезапно выросла. Но ещё можно успеть повернуть всё обратно в русло изначального плана. Если ты, конечно, *действительно* этого хочешь.

— Хм? Не слышно… тогда…

Переложив руки на мою голову, Семпай обнимает её таким образом, чтобы она оказалась в ложбинке между её грудей.

Увидеть из такого положения ничего было нельзя, а потому на полную катушку начал работать слух. Помимо тяжёлого дыхания теперь действительно можно было услышать стук сердца.

120 ударов в минуту.

Меньше, чем выдаёт Котори на пике.

(Хватит… упоминать… Котори…!)

Почему? Ты хочешь о ней забыть?

(…Нет…)

Правильно. В момент близости с одной девушкой думать о ком-то помимо неё – неприлично.

— …

Воспользовавшись тем, что я ничего не вижу, Семпай садится ко мне на колени. Причём таким образом, что…

Освобождает мою голову от объятий.

Наконец-то могу вздохнуть свободно… хотелось бы мне сказать… но

Схватившись за щёки, Семпай впивается в мои губы.

— …Мммрмммхммм…

Она не сопротивлялась, когда ты в тот раз решил бесцеремонно её обесчестить. Не сопротивляйся и ты.

(В жизни не слыхал… более вредного совета…!)

Сперва её глаза были закрыты, а сама Семпай расслабленно предвкушала победу, однако…

— …

— Почему… – она тут же отлипает от меня, а глаза наливаются слезами.

— …Почему ты не целуешь в ответ…?

(Это ради твоего же блага…)

Если это благо, то почему же на твоём сердце столько боли?

— …Ну же… поцелуй… меня… – голос становился тем тоньше, чем быстрее гасла надежда.

Тяжело вздохнув, я поднимаю взгляд к потолку.

Безвольный трус, неспособный даже посмотреть ей в глаза.

— Не отводи взгляд…! Посмотри… на меня…!

Ощущение сырости на ногах.

— Я люблю тебя! Пожалуйста…

(Остановись…)

…Почему я не могу сказать это вслух?

Почему я вообще… ни черта не могу…?!

Она целует меня снова. С куда большим напором. И снова без какой-либо ответной реакции с моей стороны.

Это продолжалось где-то минуту или две, после чего на моих губах осталось несколько капель от слёз.

— …Пожалуйста…

— …

— Нет… нет… нет, нет, не-ет!! – она то и дело прерывалась на всхлипывания.

Схватив меня за рубашку, она прижимает заплаканное лицо к моей груди.

Вскоре единственным оставшимся звуком, наполнявшим комнату, был женский плач.

Часть 12

Стук

Тебя правда устраивает подобный исход?

Стук

(…Существует ли вообще исход, который мог бы меня устроить…?)

Стук

Разумеется, существует.

Стук

(…Сомневаюсь, что услышу хоть что-то осмысленное…)

Стук

Извинись перед ней прямо сейчас. Обними. И скажи: «Я тоже тебя люблю».

Стук

(Это вообще не выглядит как хороший исход в долгосрочной перспективе…)

Стук

Плевать на долгосрочную перспективу. Просто следуй зову своего сердца.

Стук

(Я человек логики, а не чувств.)

Стук

Логика в тебе никогда и не ночевала.

Стук

— …

Стук

Мы провели в таком положении около часа.

Стук

Я понял это, в очередной раз глянув на наручные часы.

Стук

Поначалу всхлипы Семпай были на грани истерических, но вскоре, постепенно, становились всё тише и тише, пока не стихли окончательно.

Стук

И вот, спустя час, мы всё ещё здесь.

Стук

Уткнувшись в насквозь промокшую от слёз рубашку, она раз в несколько секунд легонько била меня по груди.

Стук

Пыталась достучаться до моего сердца.

Стук

Не знаю, выбилась ли она из сил, или просто успокоилась, но…

Стук

Несмотря на давящее чувство, дышать стало легче, и ком в горле отошёл. Кажется, я снова обрёл способность говорить в её присутствии.

Стук

Довольно странно, что уверенность в себе возвращается только после того, как я уничтожил её морально, но…

Стук

Уверенность вернулась от того, что ты отстоял собственные убеждения и спас ей жизнь, а не от

того, что ты упомянул.

Стук

(Спасибо, кэп.)

Стук

Можно сказать, шторм миновал…?

— Тидзуру. – стараюсь говорить настолько мягко, насколько это вообще возможно.

— Ни за что… – недовольно пробубнила она, снова ударив меня по груди (не больно).

Я вздыхаю.

— …Ни за что и никогда не отпущу… – голос казался севшим и измождённым. Осознавать, что он принадлежит одной из самых сильных девушек, которую я знал, было физически больно.

Тем не менее, в нём до сих пор оставались нотки бодрости.

— Что за ребячество…

— …Кохай-кун меня отверг, и теперь я буду мстить…

— Прилипнув ко мне, как банный лист…?

В ответ она лишь недовольно хмыкнула.

(Похоже, действительно успокоилась.)

Но всё ещё не сдалась.

(Ага…)

В её словаре отсутствует слово «сдаваться».

Так и не сменив положение собственного тела (она все ещё сидит у меня на коленях), Семпай действительно в качестве мести использует обнимашки.

Проблема лишь в том, что выбраться из них, используя физику, практически невозможно, так что, несмотря на милое название, эта форма мести в её исполнении действительно имеет определённую… работоспособность.

— Хорошо. Я подожду, пока ты не уснёшь.

— …Ни за что не усну…

— …

Почему-то сейчас своим поведением Семпай больше походила на Шиори, нежели на саму себя. Сказывается нахождение в подобной компании, видимо?

Учитывая наличие у тебя сестринского комплекса, вести себя так – лучший вариант для захвата твоего сердечка.

(Заткнись…)

Отныне она на войне. За тот час тишины в её голове созрела куча запасных планов.

(Она победила уже очень давно. Зачем вообще сражаться?)

Так объяви же её победу.

— …

Она ещё ничего не выиграла.

— Я такая нехорошая девочка… заставила тебя прийти сюда и просто сходу вывалила все свои чувства, полностью игнорируя то, что у тебя уже есть девушка… Заставила тебя выбирать…

Она даже чувствует себя виноватой за то, что навязалась. Ну разве это не прелестно?

— И я даже не особо-то и раскаиваюсь, понимаешь…! Сказала так лишь для того, чтобы ты ненароком не стал хуже ко мне относиться…

— …

— …И даже сейчас, после всего, что случилось… я всё равно хочу, чтобы ты был моим несмотря ни на что…

Я кладу руку ей на голову и легонько треплю волосы.

— …Я так сильно тебя люблю… – усилив хватку, она прижимается ко мне ещё сильнее.

— Прости. Постарайся забыть.

— Невозможно это…

— Для тебя нет ничего невозможного.

— Не хочу я…

— Я испорчу твою жизнь. *Уже* порчу.

— …Ты – смысл моей жизни…

— …Даже не знаю, что ответить на подобное…

Но сердце определённо пропустило критический удар.

— Эй…

— Хм?

— Чего мне не хватает? Что мне нужно исправить, чтобы ты полюбил меня?

— Это…

— Я просто… опоздала?

(Ты была первее.)

Но не самой первой.

— Или я недостаточно красива?

(Красива настолько, что любой сойдёт с ума.)

Но не ты.

— Или… или…

— Дело не в этом…

— Что есть у неё, чего нет у меня…?!

Заложники.

— …Чем я хуже…?

— …Ничем. – мой голос слегка задрожал.

— …Тогда почему…?! Почему она…?! Почему…

(Потому что только так все будут в безопасности…)

Потому что ты трус.

— Прости… опять сорвалась… ха-ха…

— …

…

…….

……

Ещё десять минут тишины.

Слёзы, пропитавшие рубашку, начали высыхать и поглощать тепло из окружающей среды.

От холода пробивает на озноб.

— Разумеется… такая уродливая истеричка как я и в подмётки ей не годится…

— Хватит…

— Столько лет… в никуда… просто потому что не родилась с идеальной внешностью…

— Прекрати…

…Почему-то именно сейчас тиканье моих собственных наручных часов резало слух.

— Сейчас всё закончится… ты уйдёшь и…

— …

— …И я останусь ни с чем.

— Всё не так плохо…

— Мне больше незачем будет жить…

— …Не…

«Не говори так» – хотел было сказать я, но осёкся.

Тон её голоса.

Она ведь не шутит.

Просто манипуляция. Не ведись.

(А что если нет…?)

— Просто… дай мне побыть так ещё немного… – любые намёки на привычную энергичность окончательно покинули голос.

(Это… вообще не похоже… на манипуляцию…)

— …Ещё… хотя бы… чуточку…

— …Нет…

(Ты не можешь, чёрт побери, поступать так…)

— Сердечко Кохай-куна… бьётся… – она начинает гладить меня по спине.

(Хватит…)

— Сразу так спокойно… на душе…

— …!

Выдохнув, я хватаю её за плечи.

Не оказывая никакого сопротивления, Семпай… Тидзуру перестаёт прижиматься и, все ещё оставаясь на моих коленях, таки встаёт в позу для диалога лицом к лицу.

— Что… не позволишь даже обнять тебя напоследок…?

Слабо улыбаясь, она смотрела прямо мне в глаза, но…

Этот взгляд…

Этот чёртов взгляд…

— Эй… – трясу её за плечи.

Никакой реакции.

Пустые, безжизненные глаза без какой-либо фокусировки хоть на чём-то.

— …Приди в себя! – трясу ещё сильнее.

— Что-то случилось, Кохай-кун?

— …Не говори так, словно всё в порядке! – в панике незаметно для себя я повысил голос.

— Но я в порядке… Разве со мной что-то не так…?

Телом она ещё здесь, но разумом…

— …Чёрта с два это похоже на в порядке…

Закрыв глаза и поджав губы, я качаю головой. Дабы… собраться с мыслями.

— …Я отведу тебя к кому-нибудь. Дай мне ключ.

…Похоже, не слишком-то успешно.

— Отведёшь…?

Прямо как марионетка с обрезанными нитками.

— Можешь делать со мной… всё что захочешь… – продолжая мягко улыбаться, она прикладывает руку к моей щеке. Но взгляд всё такой же, словно глаза потеряли способность отражать свет.

Потому-то она и не отрывала голову от твоего плеча всё это время.

Подавив эмоции и сосредоточившись на том, что должен делать, дрожащими руками я обшариваю её карманы.

Она не сопротивляется.

Некоторое время спустя удаётся нащупать нечто похожее на связку ключей.

(И какой из них…?)

Зачем ей вообще столько ключей?

— Этот… или этот…

Подбирая тот, который бы подошёл к двери клуба (примерная форма замочной скважины отпечаталась в голове сама по себе), я случайно натыкаюсь на брелок в форме сердечка..

Учитывая его размеры, странно, что я не заметил его сразу.

Металлический, с небольшим выступом сбоку.

Кнопка.

Клик

— …!

[Ваше психическое здоровье упало до критической отметки.]

— Почему…

В открывшемся пространстве оказалась фотография Хару Кацураги, сидящей в обнимку со своим младшим братом.

Со мной.

Я уже даже не помню, в какой момент она была сделана. Что, впрочем, никак не помешало глазам слегка увлажниться.

(…Почему… эта фотография… у Тидзуру…?)

И как давно…?

— Я…

Что-то сломалось.

Уже очень давно.

Нет…

(Оно с самого начала… не работало нормально.)

Всё ещё собираешься отдать её на попечение каких-то левых людей?

(Её отец – не какой-то левый человек…)

Но я понимаю, что затея тупая…

(Просто… хотел… перебрать все варианты…)

Но их нет. Есть всего один-единственный вариант.

Сняв её руку со своей щеки, я приближаю своё лицо, и спустя мгновение наши губы соприкасаются.

Не было ни сопротивления, ни активного перехвата инициативы.

Моргнув, лишь одинокая слезинка будто специально катилась дабы придать поцелую солёный привкус.

Это длилось не дольше минуты. Но когда всё закончилось, её взгляд наконец вернулся в норму.

Нет…

Теперь её глаза светились так, как никогда раньше. Дрожащий взгляд, наполненный… любовью. Настолько пылкой и сильной, что любые сомнения отходят на второй план.

— Мне правда можно… любить тебя…?

В ответ я лишь дрожащими руками прижимаю её к себе.

Впервые позволив себе по-настоящему расслабиться, тело Тидзуру обмякает. Дважды шмыгнув носом, её дыхание выравнивается. Развернувшись спиной ко мне, она устраивается поудобнее. Кладёт голову мне на плечо и сплетает наши пальцы.

Она за сегодня успела израсходовать годовой запас энергии, а потому больше активных действий с её стороны ожидать не приходилось.

Так даже лучше.

— Я ведь дурочка… правда полюблю… пойму неправильно… по пятам ходить буду…

Выдохнув, я зарываюсь в её волосы.

Приятный запах щекочет ноздри.

Так уютно…

Хочется просто… остаться в таком положении и ни о чём больше не думать…

Точно…

Совсем… ни о чём…

— …Главное, что ты в порядке…

Часть 13

Мужские обещания действительны один день.

***

Где-то в горах, на окраине города богатеев, в ничем не примечательном двухэтажном доме (там не было даже собственного Умного дома), на кухне с цветочными интерьером и панорамными окнами, за которыми простиралась идеально-ровно выстриженная трава, стояла девушка внеземной красоты.

Со стороны может показаться, что она из ненависти к собственной красоте занимается банальным самоистязанием, но правда гораздо проще.

Она всего лишь… пытается научиться готовить. Просто её навыки обращения с острыми предметами оставляют желать лучшего.

Ну, потому-то она и практикуется.

Но каждый раз, стоит ей схватиться за нож, как…

— …Тц… – она тут же сморщивается от боли.

Из места пореза на большом пальце тотчас начинает идти кровь.

Несколько капель попадает на разделочную доску.

Девушка несколько секунд смотрит на свою покрытую пластырями руку, и её лицо приобретает страдальческое выражение.

— …

Сделав глубокий вдох, она очищает голову от лишних мыслей, оставив одну-единственную важную для неё.

«Я должна стараться больше».

Кивнув самой себе, она преисполняется мотивацией и вскрывает очередную упаковку пластырей.

***

Пришёл в себя я лишь тогда, когда очутился в весьма… щекотливом положении.

Кажется, слегка задремал, уткнувшись в её волосы… но, как, чёрт возьми, всё дошло до этого?

В смысле, она буквально лежит подо мной…

И всё её поведение, реакции и действия буквально кричат: «Ты можешь делать со мной всё, что захочешь».

— Ты… хочешь это сделать…?

Она даже вслух повторила.

Отведя взгляд в сторону от смущения, Тидзуру задала вопрос с несвойственной для неё осторожностью.

Своим первоначальным отказом ты сломил её дух. Она сомневается в собственной привлекательности.

Боится, что ты снова отвергнешь, если начнёт напирать.

(Но… если не отвечу «да» сейчас, то… то, что я сделал, чтобы не дать ей умереть, не будет воспринято всерьёз.)

И…?

(…Что я сделал это просто из жалости…)

Но это не так. Совсем не так.

…Ладно, может, отчасти. Но всё же…

(Если не сделать, то есть шанс, что она снова…)

Чёрт… я сейчас совсем не в состоянии рационально мыслить…

Если это поможет ей выжить…

И если сделает её счастливой…

(Нет-нет-нет-нет-нет… Это неправильно… Я должен… поступать правильно…)

Так всё правильно.

(А-а-а-а-а…! Чёрт!)

Тебе не нужно думать. Просто признай: ты хочешь её прямо здесь и сейчас.

(Я…)

Да.

Да, чёрт возьми.

У меня попросту иссякла сила воли, чтобы сдержаться. Как и аргументы.

Они наверняка есть, просто… похоть окончательно выбила их из головы.

Возбуждение, подавляемое годами, электрическими разрядами проходилось по телу, передавая контроль от разума к инстинктам.

(Даже зрение…)

Покрасневшие заплаканные глаза. Растёкшаяся по лицу тушь.

Волосы, что до этого были аккуратно заплетены, теперь растрёпаны, и закрывали большую часть её лица. Парочка волосинок даже попала ей в рот.

Аккуратным движением руки я смахиваю всё лишнее.

Её тело тут же содрогается. Прикусив губу, она закрывает глаза, и в такт учащённому дыханию…

…Её грудь.

Пиджак расстёгнут, а белая рубашка, насквозь промокшая от пота и слёз, просвечивала, выдавая прямой доступ к виду бюстгальтера.

Чёрные кружева. Ей определённо хочется казаться взрослее, чем есть на самом деле. Может, дело в том, что на деле между вами нет даже года разницы и её статус «Семпая» пошатнётся?

(Но подходящий ли размер? Она же вот-вот вывалится… как он вообще не порвался под таким давлением…?)

Просто растёт быстрее, чем она успевает покупать новое бельё.

Похоть скооперировалась с ребяческим любопытством, и я, пусть не слишком осознанно, но начал расстёгивать её рубашку.

В прошлый раз она не позволяла делать ничего подобного, целиком и полностью захватив инициативу, но сейчас… каждое моё прикосновение заставляло её краснеть всё сильнее и сильнее, а сама она едва сдерживалась, чтобы снова не сорваться и взять всё в свои руки. Но сдержалась.

Она всегда сдерживается рядом со мной.

Всё ради того, чтобы угодить мне.

Ведь она хорошая девочка.

— …

Эта мысль окончательно отключает остатки моего здравомыслия.

С пуговицами на рубашке было покончено.

На великой силе похоти уровень ловкости пальцев поднялся до невообразимых высот. Я справился одной рукой меньше чем за минуту (вторая удерживала меня над Семпай).

(Теперь…)

Не выдержав томительного ожидания, Тидзуру вновь посмотрела мне в глаза.

Сейчас, когда её лицо не было ничем прикрыто…

Сердце мгновенно ёкнуло в ответ.

(Она такая милая…)

Возившись там, внизу, ты оставил её губы в одиночестве.

— …

Опустившись ниже, я прижимаюсь к ней.

Закрыв глаза, Тидзуру принимает поцелуй.

Сначала переплетались наши губы, а потом – и наши языки.

Движения медленно синхронизировались.

Я мог почувствовать её дыхание на своей коже.

Первоначальная неловкость начала исчезать.

Вернув часть былой уверенности, Тидзуру стала проявлять куда больше активности.

Пока мы целовались, она начала раздевать меня. С куда большим трудом, нежели я, поскольку отвлекаться от поцелуя для неё было совершенно неприемлемо, но Тидзуру старалась как могла.

Неуклюжие движения заводили меня ещё сильнее.

Завалившись набок, я обернул руки вокруг её голой спины.

Всё такая же миниатюрная и мягкая. Моё желание обнять покрепче и никогда не отпускать росло с каждой секундой.

И чем крепче я обнимал её…

…тем сильнее чувствовал упругость её груди.

Очередное подтверждение, что она стала больше.

Наши губы всё ещё были сомкнуты, и, протянув руку, одним движением я расстёгиваю её лифчик.

— М-м…?!

Это оказалось… проще, чем я думал.

Потому что это тот же самый бюстгальтер, что был в ваш первый раз. На опыте, так сказать.

— …

(Теперь ясно, почему он ей не по размеру…)

Последний ограничитель был снят.

Ощущение абсолютной мягкости явилось моему телу. Райское наслаждение.

И, для контраста… на самых кончиках…

— Твои соски потвердели.

— … – её лицо стало на несколько тонов краснее.

— …Угу…

— Хм-м… – я многозначительно киваю.

— …Ч-чего…? Я просто… н-ну…

Эти попытки найти оправдание выглядели настолько мило, что я не смог сдержаться.

— Ха-а-ах…! Чувствую… себя… странно… ха-ах… а-ах… я… я… так сильно… тебя люблю…! – содрогнувшись всем телом, Тидзуру рефлекторно прижимает меня к себе. На этот раз никак не ограничивая силу.

Меня должно было размазать от давления, но на деле, за счёт всей этой всюду обволакивающей мягкой упругости… голова пустеет.

Взгляд Тидзуру вновь затуманился, но уже не от отчаяния.

Жадно хватая ртом воздух…

— …Сделай… меня… своей…!

— …!

Следующие несколько часов определённо пройдут… продуктивно.

***

Вытерев пот со лба, я поднял вверх левую руку.

Такое количество физической активности определённо… выматывает.

В голове так пусто…

Сейчас я не в состоянии даже думать.

Из окна подул ветерок.

От холода по коже пошли мурашки.

(Брр…)

Наручные часы работали как обычно.

(Уже вечер…?)

Нужно… домой…

Но ни сил, ни желания что-либо делать не было.

Хотелось просто… пролежать в таком положении… остаток вечности…

И дело не только в том, что синеволосая красотка, будучи полностью обнажённой, сопела, положив голову мне на плечо.

Я аккуратно поправляю её волосы.

Открыв глаза, она смотрит на меня, и уголки её рта расплываются в нежной улыбке.

Чмок

— Люблю тебя, Акута!

— …

Похоже, все эти игры с Семпаями-Кохаями закончились окончательно.

— Я тоже тебя люблю, Тидзуру.

— …!

Пытаясь сдержать нахлынувшие эмоции, она очень долго и медленно начала набирать в грудь воздух.

Кое-как, спустя минуту дыхательных процедур, ей всё-таки удаётся слегка успокоиться.

Но лишь слегка.

— Совсем не сдерживался… хе-хе…

Да… я определённо не сдерживался. Двигался как хотел, совершенно позабыв о том, что она, на секундочку, снова девственница. Как бы это странно не звучало…

Так что… вряд ли она особо наслаждалась процессом.

— Прости. Больно было?

Тидзуру лишь покачала головой.

— Не извиняйся… я…

— Ты?

— С тобой любая боль в радость…

— …

На мгновение, она отводит взгляд в сторону, и когда возвращается обратно на меня, становится слегка серьёзнее.

— Ты ведь… останешься со мной…?

— Никуда не денусь.

— И всегда будешь любить…?

— Всегда.

— Обещаешь…?

— …Обещаю.

— …

Получив подтверждение от самого ненадёжного источника во вселенной, она наконец успокоилась.

Такая сильная… но в то же время настолько хрупкая…

Почему… почему я вообще… был против…?

— …И с Отонаси расстанешься…?

Ах да… Точно…

(Чёрт…)

Меня словно окатили ушатом ледяной воды.

— Мне надо идти…

Её лицо тут же помрачнело.

— Куда…?

— …Домой.

— …

Но она не сдвинулась с места.

— Разве ты не можешь остаться…?

Глажу её по голове.

— Останься… пожалуйста…

— Я не могу…

— Ты же только что мне обещал…

— Я ведь не навсегда ухожу…

— …

Стук (не больно)

— Завтра увидимся. Хорошо?

— …

Стук

— Не дуйся…

— Я… не дуюсь…

Вздохнув, я притягиваю её к себе и целую.

— М-м-мф… ха-а… нечестно…

— Не дуйся.

— …

(Хм… это должно помочь.)

Недолго думая, я щипаю её за задницу.

Ответная реакция последовала незамедлительно.

— Ай! Не дуюсь я!

— Именно так. Такое поведение тебе идёт куда больше.

— Дурак…

Остатки огня протеста определённо горели в её взгляде, но силой воли и любви она заставила себя потушить его.

Вскоре и физическое сопротивление сошло на нет.

— Спасибо. Люблю тебя.

— …Нечестно… – её щёки снова вспыхнули.

Выползя с дивана, я по-быстрому одеваюсь и направляюсь к выходу с комнаты клуба.

— Ты ведь… вернёшься…?

— Разумеется.

— …

— …Верь мне. – лживые обещания текли из моих уст словно на автопилоте.

— Угу… – она кивает. Не слишком убеждённая, но всё же кивает.

— Я буду… верить.

***

Стоило двери захлопнуться, а мне очутиться снаружи, как разум проснулся окончательно.

Пришло осознание.

(Я такой чёртов идиот…)

Я такой чёртов идиот.

Ты такой чёртов идиот.

— Идиот…

http://tl.rulate.ru/book/46912/3364289